

СКОРБЬ ЗЕМЛИ РОДНОЙ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ 1919г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Леонидъ Андреевъ-
Европа въ опасности.

Евг. Чириковъ-
Ленинъ и Иллѣодоръ.

А.И.Купринъ-
Памятная книжка.

Ив. Бунинъ-
Изъ „великаго дурмана“.

Ал. Н. Толстой-
Торжествующее искусство.

Александръ Яблоновскій-
Господа французы.

◆ цѣна 50 центовъ ◆

НЬЮ-ІОРКЪ

1920 ГОДЪ

Скорбь Земли Русской

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ 1920 ГОДА

Изданіе Инициативной Группы "Народной Газеты"

Нью-Йоркъ

1920

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Вмѣсто введенія	3
ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. Европа въ опасности	5
ЕВГ. ЧИРИКОВЪ. Ленинъ и Иллѣодоръ	17
А. И. КУПРИНЪ. Памятная книжка	25
ИВ. БУНИНЪ. Изъ "великаго дурмана"	44
АЛ. Н. ТОЛСТОЙ. Торжествующее искусство	51
АЛЕКСАНДРЪ ЯБЛОНОВСКІЙ. Господа французы	57

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Въ предлагаемой брошюрѣ читатели найдутъ рядъ статей извѣстныхъ русскихъ авторовъ, ихъ отклики на современную русскую дѣйствительность.

Когда условія современной жизни выявляются во всей своей неприкрашенной наготѣ подъ перомъ какого либо партійнаго дѣятеля, иной, чѣмъ большевики, партійной окраски, обыкновенно приходится встрѣчаться съ возраженіями, что, молъ, онъ говоритъ не вполне безпристрастно, ибо онъ сгущаетъ краски, борясь со своимъ политическимъ противникомъ. И многіе проходятъ мимо такихъ описаній, заранее заподозривая ихъ безпристрастность.

Но здѣсь предъ нами статьи русскихъ писателей, тонкихъ наблюдателей народной жизни и художниковъ слова, далекихъ отъ политической борьбы и не выступавшихъ на политическомъ поприщѣ.

Чуткой душою своей они слѣдили за изгибами современной жизни и откликались на нее такъ, какъ привыкли: живымъ красивымъ художественнымъ словомъ, изображая дѣйствительную жизнь такъ, какъ она отразилась въ ихъ сердцѣ, горячо бьются и полномъ любви къ страдающей родинѣ, полной неизбывной скорби.

Условія современныхъ сношеній съ родиной таковы, что только рѣдкіе голоса писателей, къ вѣщему слову которыхъ мы привыкли прислушиваться, достигаютъ насъ. Случай доставилъ собранныя здѣсь статьи въ Нью-Йоркѣ и здѣсь далеко-далеко отъ страдающей родины, инициативная группа "Народной Газеты" рѣшила издать ихъ отдѣльнымъ сборникомъ.

Изданіемъ этого сборника группа россіянъ даетъ возможность всѣмъ своимъ согражданамъ, оторваннымъ отъ живой россійской дѣйствительности, услышать художественное слово правды людей, идущихъ на встрѣчу истинѣ, и заглянуть въ родныя мѣста.

Но мало этого. Издавая этотъ сборникъ въ пользу "Фонда помощи нуждающимся россійскимъ писателямъ и ученымъ", эта группа даетъ возможность разбросаннымъ въ разныхъ мѣстахъ писателямъ внести свою лепту въ дѣло помощи ихъ страждущимъ братьямъ, помогать которымъ составляетъ задачу "Фонда".

ИНИЦИАТИВНАЯ ГРУППА.

Леонидъ Андреевъ.

ЕВРОПА ВЪ ОПАСНОСТИ.

І. Революція и Бунтъ.

Начало этому страшному періоду положила Россія. Сильная, талантливая, но мало культурная и дурно управляемая, она возстала первою и первая всеразрушающій огонь войны перевела въ пламя Революціи. Это было два года тому назадъ, въ мартовскія иды 1917 г. и въ тотъ день она была великой Имперіей. А нынѣ — это груда обломковъ и муссора безъ названія, кровавый хаосъ братоубійственной войны, слезы и гибель миллионовъ людей, страданія всего народа, дантевскій адъ, воплощенный въ дѣйствительную жизнь.

Кто свершилъ это страшное превращеніе? Многіе отвѣчаютъ: Революція. Нѣтъ! Это злодѣяніе свершилъ Бунтъ, который родился одновременно съ Революціей, уподобился ей на время, укралъ ея лозунги и извратилъ ихъ, обманулъ народы — и удушилъ свободу и всякую жизнь. Трагической борьбою между Бунтомъ, который яростно нападаетъ и Революціей, слабо обороняющейся, знаменуются первые революціонные мѣсяцы вплоть до того дня, когда въ октябрьскомъ туманѣ и тучахъ закатилось солнце Революціи, побѣдоносный Бунтъ вступилъ въ управленіе Россіей и настало и х ъ ц а р с т в о.

Кто же они, эти Революція и Бунтъ?

Они дѣти единой матери, эти Революція и Бунтъ. Они близнецы. Они рождаются одновременно; и также одновременно родились они въ Россіи, когда рокового 27 февраля 1917 года раскрылись тюрьмы и оодновременно выпустили на волю п о л и т и ч е с к и х ъ и у г о л о в н ы х ъ. Въ одинъ день, почти въ одинъ часъ была дана свобода и людямъ совѣсти и долга, томившимся подъ тяжкимъ ярмомъ самодержавія — и людямъ злой и преступной воли, тупого ума и низкой души, стремящейся къ личному и корыстному.

Но тогда это дѣлалось подъ краснымъ и священнымъ знакомъ Свободы, въ чудесномъ заревѣ догорающаго романовскаго трона; тогда было все радостно и прекрасно, и оба малютки были такъ невинны, и трудно было догадаться, что это родились на свѣтъ Каинъ и Авель. И невозможно было предугадать, глядя на невинно играющихъ дѣтей, что наступитъ урочное время — и Каинъ убьетъ Авеля. И что Каинъ оставитъ на землѣ свое проклятое каиново отродье, а несчастный и благородный Авель можетъ погибнуть безслѣдно. Какъ Ева, ошибалась щедрая мать—Свобода, отдавая сосцы свои малюткамъ.

Это происхожденіе Революціи и Бунта отъ одного корня, эта ихъ разительная схожесть въ дѣтскіе годы, не позволяющая своевременно отличить убійцу отъ жертвы — это и есть самая большая опасность для в с я к о й Революціи. Больше того: сынъ Адама остается сыномъ Адама и послѣ убійства, и въ чертахъ его человѣческаго лица, искаженнаго страданіями, возмущеніемъ и грѣхомъ, мы всегда найдемъ нѣчто, близкое и нашей страдающей душѣ. Развѣ не было попытокъ сдѣлать героя и изъ Каина? А найдя близкое и оправдавъ убійцу — навѣки установимъ и допустимъ Каиновъ законъ убійства на ряду съ Авелевымъ закономъ миролюбія.

Откуда родится Бунтъ? Изъ недовольства своимъ положеніемъ и стремленія всего живого къ полной и неограниченной свободѣ. Каковы методы Бунта? Разрушеніе. Каковы его орудія? Огонь, пожары, мечъ и топоръ, насиліе и убійство.

Откуда родится Революція? Изъ недовольства существующимъ и стремленія къ большей свободѣ. Каковы видимыя методы революціи? Разрушеніе. Каковы ея орудія? Огонь, пожары, мечъ и топоръ, насиліе и убійство.

Вотъ то роковое и не только внѣшнее сходство, которое позволяетъ существовать вмѣстѣ всемертвящему Бунту и всеживящей Революціи, осложняетъ, путаетъ, обманываетъ, сбиваетъ съ толку наиболѣе умныхъ, наполняетъ всякую революціонную эпоху масками и фантомами, поддѣлками и ложью. Ибо въ схожихъ до обмана, почти однородныхъ дѣйствіяхъ, выкрикахъ и лозунгахъ, совершенно скрывается, тонетъ и пропадаетъ то единственное, но великое различіе, которое Революцію, даже самую жестокую, дѣлаетъ живою водой, а Бунтъ — водою мертвой. Это различіе — Мысль. Бунтъ есть начало чисто стихійное, лишенное мысли. Революція — полна мысли, она сама есть ничто иное, какъ возставшая мысль. Поэтому бунтовать могутъ даже и лошади, и всякая конюшня знаетъ не мало случаевъ такого буйства. Поэтому революцію могутъ дѣлать только люди. Поэтому темные и возставшіе рабы, лишенные сознанія, могутъ произвести только огромный безпорядокъ, страшное уничтоженіе, великій погромъ, но Великой Революціи имъ не свершить никогда.

Роковому обману, мѣшающему отличить ядъ отъ лѣкарства, содѣйствуетъ то, что Бунтъ не имѣетъ собствен-

наго языка. Когда Бунтъ возникаетъ одинъ, онъ только мычитъ, какъ разъяренное несчастное животное. Когда Бунтъ возникаетъ рядомъ съ Революціей, онъ цѣликомъ беретъ ея языкъ, ея лозунги, даже ея наиболѣе осознанныя программы: у него тѣ же флаги, онъ кричитъ о той же свободѣ, онъ требуетъ того же равенства и братства, — онъ “гражданинъ”. И это обманываетъ всегда благородную, всегда возвышенную Революцію: въ тѣхъ, кто вчера еще только мычалъ или безмолствовалъ, а сегодня восторженно (о, слишкомъ восторженно!) вторить ея рѣчамъ, она видитъ своихъ послѣдователей, своихъ друзей и братьевъ, не догадываясь, что имя этого брата — Каинъ, и узнавая объ этомъ слишкомъ поздно, о, слишкомъ поздно!

Бунтъ слѣпъ, бунтъ стихіенъ, бунтъ лишенъ мысли — и въ этомъ его извѣчный ужасъ для человѣчества. Лишенный зрѣнія, онъ ничего не видитъ ни впереди, ни позади себя, не знаетъ ни друзей, ни враговъ, ни надежныхъ союзниковъ. Да ихъ и нѣтъ. Сколько бы ни участвовало въ бунтѣ миллионы людей, они ничѣмъ не соединены, они всегда только случайный с к о п ѣ, но никогда правильные ряды; и каждый участникъ бунта всегда есть одинъ и единственный, потому что онъ знаетъ, помнить и ощущаетъ только с е б я. Поэтому бунтующіе такъ легко и внезапно могутъ обращать оружіе другъ противъ друга, подчиняясь случайному импульсу или властному окрику, и всегда ссорятся при дѣлѣжѣ.

Лишенный мысли, Бунтъ не знаетъ будущаго: его предѣль — настоящее, его законъ и мечта — сейчасъ и во что бы то ни стало. Лишенный и д е и, онъ не знаетъ другихъ цѣлей и побужденій, кромѣ удовлетворенія своихъ желаній, хотя бы всему міру это грозило бы опасностью, обнищаніемъ, даже гибелью. Когда голодный р е в о л ю -

ц і о н е р ь попадаетъ въ царскій садъ, онъ срываетъ яблоко, не трогая дерева; когда въ тотъ же садъ попадаетъ такой же голодный и обездоленный бунтарь, онъ ломаетъ все дерево. И ему напрасно говорить: не ломай дерева, ты самъ погибнешь отъ голода! — онъ этого не понимаетъ. Какъ вѣчнымъ чувствовалъ онъ свой голодъ, такъ вѣчной ощущаетъ онъ свою мгновенную сытость. Такъ вѣдше содѣйствуя и уподобляясь, онъ убиваетъ Революцію, истинная и выюкая цѣль которой — не уничтожить и не расточить, а умножить сокровища земли.

Ибо въ противоположность бунту, Революція безкорыстна, и всѣ цѣли ея въ будущемъ. Ломая, уничтожая, даже жестоко убивая и проливая кровь, она думаетъ не о себѣ, а о тѣхъ грядущихъ, кто счастливо войдетъ въ уготованный ею вертоградъ. Уничтожаетъ она ненужное, убиваетъ мѣшающее, разрываетъ цѣпи. Когда Бунтъ безгранично вожделья къ безграничной свободѣ и самоудовлетворенію, разрушаетъ винные склады, чтобы до скотства напиться и въ угарномъ хмелю найти новый кровавый бунтарскій пафосъ, — Революція разрушаетъ тюрьмы, чтобы освободить для жизни новыхъ свободныхъ гражданъ. Ахъ! — развѣ у Революціи не такое же пустое брюхо, какъ у Бунта! Но меньше всего она думаетъ о своемъ брюхѣ и охотно идетъ на голодъ и холодъ настоящаго только для того, чтобы будущему было тепло и сытно.

Когда Бунтъ чувствуетъ себя въ силѣ, онъ безгранично свирѣпъ и жестокъ. И онъ же, этотъ безпощадный Бунтъ, безконечно, до гнусности трусливъ и подлъ, когда сила на его сторонѣ. И никто съ такою легкостью не переходитъ отъ самой надменной позы къ жалкому колѣнопреклоненію, какъ Бунтъ, и никто такъ не равнодушенъ къ стыду, совѣсти, с у д у п о т о м с т в а. Судь потомства! — какъ

онъ можетъ тронуть того, кто во всемъ мірѣ знаетъ и отличаетъ только себя и совершенно недоступенъ мысли о будущемъ!

И насколько трусливъ и подлъ Бунтъ, какъ бы ни были законны его основанія, настолько Революція честна и мужественно безстрашна. Непрерывно жертвуя собою, своею кровью и жизнью для блага грядущихъ, единственную награду для себя она видитъ именно въ судѣ потомства, въ тѣхъ чувствахъ благодарности и любви, которыми бесконечно долго будетъ озарена ихъ свѣтлая память. Баснословные Гармодій и Аристокитонъ, убившіе тирана, непреклонный Брутъ, великій Гарибальди будутъ любимы до тѣхъ поръ, пока не сойдетъ съ ума все человѣчество и не станетъ на четвереньки, какъ звѣрь безъ прошлаго и будущаго.

2. Ихъ приходъ.

Русскій большевизмъ начался съ двойной измѣны: измѣны императору Вильгельму и измѣны Революціи. Ставъ платнымъ слугою Германіи и обязавшись исполнять ея волю, онъ тайно стремился къ собственнымъ цѣлямъ, среди которыхъ было и разрушеніе германской имперіи. Назвавшись вождемъ русской Революціи, онъ тайно подчинялъ ее велѣніямъ и цѣлямъ германскаго штаба, главной изъ коихъ было разрушеніе русскаго великаго царства. Ворующій слуга и продажный вождь, онъ явился на свѣтъ, какъ образъ двуличія и лжи, измѣны и предательства; и съ цинизмомъ, достойнымъ сатаны или идіота, первую свою газету онъ назвалъ “Правда”.

Его прибытіе въ нѣмецкихъ вагонахъ было встрѣчено французской “Марсельезой”. Ложь была слишкомъ очевидна и Революція почувствовала себя въ опасности; но тщетны были всѣ голоса предостереженія, тщетно Плехановъ проклиналъ измѣнниковъ и отказывался подать руку “пломбированному” — темныя и наивныя массы были обмануты и газета Горькаго писала: “добро пожаловать!”, немедленно посвятивъ Троцкаго и Луначарскаго въ званіе своихъ сотрудниковъ. Такъ впервые смѣшались ложь и правда, и Бунтъ въ крѣпкомъ объятіи соединился съ Революціей съ тѣмъ, чтобы только одинъ вышелъ живымъ изъ этихъ смертоносныхъ и предательскихъ объятій.

И тогда начались эти изступленныя и шамански однообразныя крики о “буржуяхъ”, “контръ-революціи”, “немедленномъ мирѣ безъ аннексій и контрибуцій”, о “буржуазной клеветѣ”, “имперіалистахъ”, “соціал-предателяхъ” и о “ножѣ въ спину революціи”. Однообразныя, часто совсѣмъ непонятныя для темной массы, они покрыли столбцы всѣхъ газетъ, родившихся отъ “Правды” и нѣмецкихъ денегъ; они дѣйствовали, какъ заклинанія, волнуя, зажигая, путая и сбивая съ толку наиболѣе искреннихъ и честныхъ. Въ то время, какъ честная Революція одинокими голосами звала къ подвигу и работѣ, отъ которыхъ зависитъ о б щ е е б л а г о народа, эти безчисленные звали къ покою, къ бездѣлю, къ отказу отъ всякаго труда. Немедленный миръ хотя бы и похабный! Немедленный раздѣлъ и захватъ земли! Немедленная социализація! Грабь награбленное! Кто былъ ничѣмъ, тотъ станетъ всѣмъ! Весь воздухъ былъ полонъ этихъ коварныхъ призывовъ, въ которыхъ хриплый и пьяный голосъ Бунта такъ искусственно и цинично сочетался съ заповѣдными лозунгами Революціи — ими дышала армія на фронтѣ, быстро разлагаясь, какъ трупъ подъ сол-

нечными лучами, и превращаясь въ толпу крикуновъ, дезертировъ и убійць — ими волновалось глухое крестьянство, приступая къ первымъ погромамъ — ими насыщались фабрики и заводы, замирая въ роковой бездѣятельности — ими грезила голова каждаго раба, у котораго нѣтъ ни прошлаго, ни будущаго, а только томленіе и голодъ.

Лозунги Революціи всегда общечеловѣчны. Для нея, какъ и для Бога, цѣненъ в с я к і й человекъ. Какъ сама возставшая Справедливость, она охраняетъ и любитъ каждаго и устанавливаетъ права ч е л о в ѣ к а. У нея нѣтъ любимцевъ, нѣтъ привилегій, нѣтъ сдобнаго куска для одного и мякны для другого. Свобода, равенство и братство. Вотъ незыблемый законъ Революціи, нарушивъ который она перестаетъ быть сама собою и превращается въ подобіе кровавой и разрушительной войны, гдѣ побѣда принадлежитъ не честному, но только сильному и лучше вооруженному. Здѣсь конецъ ея жизнетворящему Духу. И пусть могучее сопротивленіе сложившихся отношеній и формъ, роковое и неизгладимое различіе между умнымъ и глупымъ, высокимъ и низкимъ препятствуетъ ей осуществить ея благородныя и общечеловѣческія цѣли — другого хотѣтъ она не можетъ!

И слово ч е л о в ѣ к ѣ было выкинуто изъ большевистскаго словаря. Простымъ и грубымъ приемомъ, подобнымъ удару мясницкаго ножа, весь безконечно разнообразный міръ человѣческихъ существъ былъ раздѣленъ на двѣ половины: буржуазіи, которая не должна имѣть ни правъ, ни власти, и “революціоннаго пролетаріата”, которому отдаются всѣ права и беспощадная диктатура надъ цѣлымъ народомъ. Въ этомъ до нищенства упрощенномъ видѣ встаетъ міръ передъ глазами ослѣпленнаго раба, и всей своей бунтарской громадой онъ стекается подъ боль-

шевистскія знамена. Уродливый ублюдокъ, дикая помѣсь Революціи и Бунта, свободы и тираніи, большевизмъ гордо поднимаетъ надъ народомъ свою маскарадную рождественскую харю и объявляетъ себя единымъ и истиннымъ Богомъ революціи. Какъ божественную власть имѣющій, какъ самъ папа, онъ отлучаетъ отъ церкви всѣхъ, несогласныхъ съ нимъ: сперва отдѣльныхъ лицъ въ родѣ Плеханова, потомъ цѣлыя группы профессоровъ, ученыхъ, офицеровъ, потомъ классы, потомъ и самыя революціонныя партіи, которыя онъ именуетъ социал-предательскими. И испуганная Революція, вдругъ поставленная подъ подозрѣніе, робко жметъ предъ Самозванцемъ, который лжетъ ея языкомъ, пишетъ на ея бланкахъ и ставитъ внизу ея царственныя печати.

Это былъ тотъ страшный моментъ, когда вся Россія оказалась въ полномъ трагическомъ смѣшеніи всѣхъ своихъ живыхъ силъ, — и бунтарскихъ и истинно революціонныхъ. Дурманъ, какъ во снѣ, какъ въ тяжкомъ хмелю отъ ханжи. Это были тѣ страшные дни, когда оглошшая, полуослѣпшая Революція, сбитая съ толку услужливо-наглымъ и лживымъ Бунтомъ, перестала понимать самое себя и начала съ ужа-сающей быстротой терзать и терять своихъ друзей. И это было началомъ того необыкновеннаго періода, когда в русскую Революцію вступилъ новый герой — Дьяволъ.

Нѣтъ, я не шучу, когда говорю о Дьяволѣ, живущемъ въ людяхъ, объ этомъ великомъ мастерѣ лжи и обмана, знаменитомъ комедіантѣ, устроителѣ непримѣрныхъ историческихъ маскарадовъ, гдѣ его любимую маскою является костюмъ святого. Это онъ ослѣпилъ и запуталъ, смѣшалъ всѣ карты, въ дикую гущу превратилъ всѣ лозунги и въ противоестественномъ союзѣ сочеталъ жертву — Революцію и ея убійцу — бессмысленный, стихійный, кровавый русский Бунтъ. Доселѣ таившійся, въ іюльскіе дни онъ

впервые открыто явилъ свой безсмысленно жестокий и трусливый ликъ, возвысилъ свой гнусаво революціонный голосъ:

— Смерть буржуямъ! Вся власть совѣтамъ! Смерть! Смерть!

Правда, его прогнали — но его не узнали. Дальше Тарнополь, позоръ и бѣгство русской арміи, убійства и погромы, эта воистину дьявольская месса. Тутъ на минуту мелькнуло что то въ родѣ сознанія, слишкомъ ясно и слишкомъ близко почувствовалась гибель, слишкомъ опредѣленно и нагло прозвучалъ обманъ — но и тутъ онъ остался неузнанъ, этотъ Дьяволъ, этотъ безсмысленный и страшный Бунтъ, Каинъ, убивающій своего брата. Ибо прошла только недѣля — и снова загундосилъ онъ свои “революціонные” псалмы и снова поползъ подъ ноги Революціи — услужливый, покорный, льстивый, заботящійся только о ея благѣ и здоровьи, но съ каждымъ днемъ наглѣющій. И снова смѣшались всѣ карты и въ удушливомъ облакѣ обмана, лжи и предательства выросъ этотъ трагическій образъ генерала Корнилова.

Здѣсь глумливая улыбка Сатаны переходитъ въ громкій и злобщій смѣхъ — надъ Разумомъ, надъ помраченной совѣстью всей несчастной Россіи, и Бунтъ торжествуетъ свою первую рѣшительную побѣду. Когда растерявшійся Керенскій призываетъ на помощь большевиковъ и всѣ вмѣтѣ, правительство и германскіе агенты, спасаю ть родину и революцію отъ Корнилова, это слишкомъ походить на бредъ тифознаго, на самоубійство въ припадкѣ бѣлой горячки, чтобы быть признаннымъ за актъ разумной воли. Всѣ чувства извращены и самый инстинктъ самосохраненія покидаетъ обреченнаго. Каинъ — спаситель и благодѣтель Авеля! Германскіе агенты — отцы отечества!

Бунтъ признанъ. Бунтъ увѣнчанъ лаврами и ходить, величаясь. Уже не скрываясь и не прячась, онъ открыто вооружаетъ красную гвардію, обучаетъ ее всенародно, какъ стрѣлять по правительству, требуетъ ружей и патроновъ; назначаетъ и мѣняетъ дни возстанія, чуть не расклеиваетъ афиши, какъ прїѣзжій циркъ “съ разрѣшенія правительства”. По всей Россіи съ чудовищной быстротой растутъ погромы, убійства и пожары — Бунтъ попалъ въ наѣзженную колею, заповѣданную отцами, и отовсюду скалитъ свои зубы. Всюду учреждаются “народныя охраны революціи”, эти будущія чрезвычайки. Убійства офицеровъ въ Выборгѣ, убійства, убійства... Обреченная Революція мечется въ смертельной агоніи, то проклиная своего будущаго убійцу, то припадая на его братскую грудь, все еще вѣря его братскому сердцу. И такъ до октябрьскихъ сумрачныхъ дней, когда тяжелая дубинка Каина съ трескомъ дробитъ братнюю голову и начинается и х ъ ц а р с т в о.

Если Ленинъ когда нибудь мечталъ о томъ, чтобы стать великимъ соціальнымъ реформаторомъ, то мечты его рушились безславно и жалко. Все, что онъ сумѣлъ добиться — это стать только Пугачевымъ. Зачатый во лжи, рожденный въ атмосферѣ измѣны и уголовной каторги, отбросившій все человѣческое и нравственное, какъ ненужный балластъ, онъ явился магнитомъ, притягивающимъ къ себѣ все порочное, тупое и звѣрски ничтожное. Новый “собиратель Руси”, онъ собралъ всю каторжную, всю черную и слѣпую Русь и сталъ единственнымъ въ исторіи повелителемъ царства нищихъ духомъ. Ни одному народному вождю не удавалось собрать подъ свои знамена столько воровъ, убійць, злыхъ выродковъ, такую колоссальную армію тупыхъ и звѣрскихъ головъ! Кого онъ ни зоветъ, къ нему приходятъ только воры, среди которыхъ безслѣдно теряется кучка честныхъ,

но не мудрыхъ фантазеровъ, обманутыхъ невѣждъ да слѣпыхъ, какъ совы, и безчувственныхъ доктринеровъ. Если не всякій большевикъ — негодяй, то всѣ негодяи Россіи стали большевиками, какъ они были и стануть черной сотней, какъ они готовы стать вѣмъ, что дастъ имъ деньги и безнаказанность.

Двадцать пятое октября 1917 г. русскій стихійный и жестокій Бунтъ прибрѣлъ голову и подобіе организаціи. Эта голова — Ульяновъ-Ленинъ. Это подобіе организаціи — большевистская Совѣтская власть.

3. Ихъ царство*).

.....
.....
.....
.....

*) Последней главы великій писатель не успѣлъ написать, такъ какъ 12-го сентября 1919 г. онъ внезапно скончался.

Евг. Чириковъ.

ИЛЛИОДОРЪ И ЛЕНИНЪ.

Вы изумлены такимъ сопоставленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ: казалось бы, что общаго можетъ быть у Иллиодора съ Ленинымъ. Развѣ только то общее, что одинъ былъ авантюристомъ “самодержавнѣйшаго православія”, а другой — авантюристомъ социализма, одинъ — обманщикъ отъ Христа, другой — отъ Карла Маркса. Оба — демагоги перваго сорта. Да, безъ сомнѣнія, въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ классификаціи типа этихъ фигуръ — достаточно указанныхъ признаковъ, чтобы причислить ихъ къ одному и тому же виду общественныхъ личностей. Но дѣло идетъ значительно дальше этой видовой общности: Иллиодоръ и Ленинъ не только политики одного вида, но и одного рода. Близость, политическое родство ихъ прямо изумительно и вы сами убѣдитесь въ этомъ, когда я расскажу Вамъ мою встрѣчу и разговоръ съ Иллиодоромъ.

Было это въ Финляндіи, лѣтомъ, незадолго до начала всемірной войны. Жилъ я тогда въ деревнѣ Нейвола, гдѣ образовалось нѣчто въ родѣ писательской колоніи: здѣсь проводили лѣто М. Горькій, Иорданскій, Пинкевичъ, знаменитый Нахамкисъ и неменѣе отсель знаменитые Бончъ-Бруевичъ и Демьянъ Бѣднѣй. Вѣроятно такое изобиліе “идейной” интеллигентной публики и было причиною этого обстоятельства, что бѣгуущій за-границу Иллиодоръ не

могъ миновать мѣста сего. Однажды подъ вечеръ на балконъ нашей дачи входитъ писатель, извѣстный изслѣдователь нашего сектантства, г. П. и просить уединенной аудіенціи. Въ чемъ дѣло?

— Иллиодоръ бѣжитъ за-границу. Ему необходимо помочь въ этомъ дѣлѣ....

— Иллиодоръ? Но, вѣдь, какъ Вамъ извѣстно, я не отношусь къ его поклонникамъ, я неустанно преслѣдовала его въ печати, онъ мой политическій врагъ... Не понимаю, какъ вамъ вздумалось...

Конечно, я былъ изумленъ, даже разсерженъ.... Но покровитель Иллиодора рассказалъ мнѣ много неожиданнаго про Иллиодора: оказалось, что онъ отряхнулъ прахъ съ ногъ своихъ отъ грязи и пыли той дороги, по которой раньше шелъ; что нынѣ онъ — злѣйшій врагъ самодержавія; что отнынѣ его цѣль — бѣжать за-границу и написать книгу о всѣхъ “тайнахъ русскаго двора”, опуликовать такіе документы, которые совершенно разобьютъ “царскій орелъ”, его остатки въ народѣ и т. д.

— Неужели вы вѣрите въ искренность этого.... господина?

— Да. Онъ переродился... Надо помочь ему... Онъ гонимый и травимый самодержавіемъ... И дѣло то очень хорошее... Приютите его на одну ночь, а завтра онъ двинется дальше... Обдумаемъ сообща, какъ устроить бѣгство въ Египеть... Здѣсь много интеллигентной публики....

Я колебался: еще такъ живо въ памяти, какъ Иллиодоръ совершалъ свое шествіе по Волгѣ, натравлялъ своихъ поклонниковъ на саратовскую интеллигенцію, сжигалъ въ Царыцинѣ “Гидру революціи”... Плохо вѣрилось въ перерожденіе хулигана изъ духовнаго вѣдомства, но... гонимый, раскаявшійся, жаждущій служить перомъ дѣлу разрушенія

самодержавія... И очень ужъ любопытно... Посовѣтовался со своими домочадцами — тѣ въ одинъ голосъ, съ широко открытыми глазами: “Пусти ночевать”. Всѣмъ хотѣлось воочію узреть это “чудище”, лаявшее на всю Россію.

— Ну, а гдѣ же онъ, вашъ Иллиодоръ?

— Онъ недалеко, ждетъ нашего рѣшенія... Такъ можно? Надо выручить гонимаго...

— Ну, ладно. Богъ съ нимъ. Ведите.

Писатель ушелъ и, спустя минутъ десять, привелъ на балконъ, къ самовару “чудище”. Ничего духовнаго. Высокій, здоровенный и здоровордый, съ острыми маленькими глазками, въ большихъ сапогахъ, озорная, вызывающая фигура и жесты, только рука—мягкая женоподобная, при-выкшая къ цѣлованіямъ. Глядишь и самъ себѣ не вѣришь: іеремонахъ волжскій, или донской разбойникъ. Явное могущество тѣла передъ духомъ. Человѣкъ, который предпочтетъ проталкиваться кулакомъ и локтями, но отнюдь не словомъ Божиимъ. Признаться, я смутился гораздо больше, чѣмъ этотъ неожиданный гость. Вѣдь, такъ недавно я громилъ его въ “Современникѣ” и въ “Современномъ Мірѣ”, а теперь мы съ нимъ за самоваромъ, въ моемъ домѣ. И все какъ-то неспокойно на совѣсти, что это случилось...

— Вы читали то, что я писалъ про васъ?

— Конечно... Кто меня только не травилъ въ газетахъ. Другіе-пусть, но вы — по недоразумѣнію... какъ и всѣ люди вашего лагеря...

— Несогласенъ. Я писалъ въ твердомъ умѣ и здоровой памяти и не могу сказать, что писалъ неправду...

— О семъ недоразумѣніи поговоримъ послѣ, въ откровенной бесѣдѣ, а пока надо о дѣлѣ самомъ.

Говорили объ ночлегѣ, опасности, сохранности документовъ, о дальнѣйшемъ путешествіи. Потомъ писатель,

Приведшій Иллиодора, уѣхалъ, и мы остались наединѣ, а вѣрнѣе въ “семейномъ кругу”. Женщины начали прежде всего “интервьюировать” гостя касательно Гришки Распутина, его роли при царѣ, его походовъ и т. д. Образно-ярко такъ рассказывалъ Иллиодоръ, сверкая крѣпкими зубами, фигурами и сравненіями, вообще яркимъ языкомъ, темпераментомъ и убѣжденностью. Передавать этой части разговора не буду: все извѣстно и не въ этомъ задача. Напились чаю, пошли погулять въ лѣсъ подъ гору, въ уединеніе. И здѣсь Иллиодоръ рассказалъ мнѣ о чудѣ своего перерожденія...

— Да, и вы меня травили, травили газеты и травила вся интеллигенція вашихъ взглядовъ и убѣжденій, вы меня ненавидѣли, а я васъ всѣхъ еще больше. Но это было, какъ я теперь понимаю, одно недоразумѣніе съ обѣихъ сторонъ...

— Вотъ тебѣ и разъ...

— Да, да. Вѣрно вамъ говорю. Мы всегда шли къ одной цѣли, но разными путями. Вы думаете, что я хитро оправдываюсь. Нѣтъ, я вамъ исповѣдуюсь. Повѣрьте мнѣ... Я самъ вышелъ изъ народа и со школьной скамьи горѣлъ жаждою вывести народъ на прямую дорогу, плохо я разбирался, а былъ нѣкогда религіозенъ до страсти и по внутреннему призыву души пошелъ подуховной дорогѣ. Я вѣрилъ тогда, что въ роли священника, именемъ Бога, и въ духовной одеждѣ, я смогу послужить не только Богу, но и народу. Съ дѣтства меня воспитывали и просвѣщали по системѣ двоебожія: на небѣ — Богъ, на землѣ — царь. И царь былъ моимъ вторымъ богомъ. И хула на царя, была для меня, какъ хула на Бога. Росъ я среди людей, учился, присматривался вокругъ; все неправда, обманъ народа, страданія его, но всю эту неправду я относилъ не къ царю,

не къ самодержавному владыкѣ, а къ тѣмъ, кто сталъ между нимъ и народомъ. Я вѣрилъ въ него, какъ въ Бога. Если бы, — думалъ я, — царь зналъ всю правду, если бы чиновники, сановные помѣщики, бюрократы, кушцы не обманывали его, не закрывали бы очей его, — народъ жилъ бы счастливо и хорошо. И вотъ рѣшилась у меня идея: царь и народъ, а всѣ прочіе — средо-стѣніе. парость, шелуха, которую надо отместить прочь. Надо, чтобы было у насъ мужицкое и рабочее царство. А всѣ вы, интеллигенція... вы были моими врагами, потому что у меня было два бога: Царь Небесный и царь земной, а у васъ не было ни одного. Вы:... васъ я считалъ врагами Бога и царя. Я зналъ, что вы желаете съ помощью социализма осчастливить народъ, но я не вѣрилъ вамъ и вашимъ путямъ. Скоро я увидалъ, что слово мое — сила моя, увидалъ, что мои проповѣди притягиваютъ народъ, и что именемъ Бога и царя я могу вести стадо человѣческое въ царство Божіе на землѣ. И всѣ вы безбожники представлялись мнѣ діаволами, мѣшающими мнѣ на путяхъ моихъ. Вы казались мнѣ чужими народу, ненужными, мѣшающими и я ненавидѣлъ васъ... ненавидѣлъ интеллигенцію, ненавидѣлъ губернаторовъ, купцовъ, власть предержавшую и громилъ ихъ на всѣхъ проповѣдяхъ, желая сотворить мужицкое и рабочее царство съ двумя богами: царемъ и Отцомъ Небеснымъ. Вся наша культура казалась мнѣ громомъ поваленнымъ, мѣшающимъ правдѣ на нашей землѣ...

— А теперь?

— Жизнь разбила всю мою завѣтную мечту. Случилось такъ, будто дали мнѣ въ дѣтствѣ коробочку съ драгоценными камнями, велѣли беречь, какъ свою жизнь, но не раскрывать ея никогда. Вотъ съ этой коробочкой и жилъ

я, храня свои тайны драгоценности. Но жизнь... заставила меня всетаки раскрыть эту коробочку, и — увы, — я увидалъ, что вмѣсто драгоценныхъ камней всю жизнь стерегъ цвѣтныя стекляшки. Судьба приблизила меня ко двору, къ царю и его семейству, и мечты разбились вдребезги... какъ самый темный мѣщанинъ оказался мой земной богъ и его блачестивое семейство. И самая вѣра моя стала терять власть надо мной, ибо роль Распутина въ нашей церкви осквернила чистоту ея, а нашъ синодъ все время распиналъ Христа... Теперь у меня нѣтъ коробочки, съ которой я прошелъ полдороги жизни. Выкинулъ я изъ нея стекляшки и бросилъ самую коробочку. Теперь я потерялъ земного бога, оказавшагося деревяннымъ истуканомъ: творю, ищу новыхъ драгоценностей... Я ушелъ въ сектантство, гдѣ еще живъ Христосъ... а что касается земныхъ путей, такъ я приблизился къ вамъ: надо разбить истукана и въ глазахъ народа. “Обманъ”. “Великій обманъ”. И я напишу такую книгу, что у всѣхъ слѣпыхъ раскроются глаза...

— Ну, а какъ же мужицкое и рабочее царство?

— Если бы нашелся такой человѣкъ, который...

Иллиодоръ не закончилъ, помолчалъ и тихо, грустно бросилъ:

— Народъ вѣрилъ и шелъ за мной, какъ за пророкомъ.. А стало сыро: — неожиданно оборвалъ онъ свои душевныя изліянія, и по казацки встряхнулъ головой.

Мы вернулись на дачу. Долго еще говорили объ интеллигенціи, о царѣ, о мужицкомъ царствѣ, о религіи, какъ объ основѣ народнаго движенія. А потомъ я долго не могъ уснуть и думалъ о развѣнчанномъ Иллиодорѣ. Искренняя была его исповѣдь или все это была только ловкая позировка, быстрая смѣна одежды фокусника. Я вспоминалъ его

лицо, искры глазъ и величавые жесты, когда онъ говорилъ о мужицкомъ царствѣ, когда говорилъ о могуществѣ своего слова передъ народомъ, который вѣрилъ въ него и шель за нимъ, вспоминалъ о той жгучей ненависти, которая сквозила во всемъ его существѣ, когда онъ рассказывалъ, какъ Гришка Распутинъ всталъ ему поперекъ дороги въ царскомъ дворцѣ... Ничего духовнаго. Честолюбіе, жажда править народомъ, вести его къ мужицкому царству... Кто знаетъ, какъ далеко простирались мечты свои этотъ честолюбивый авантюристъ? Не мечталъ ли онъ о томъ, что именно ему суждено сотворить такое царство и сѣсть въ немъ на престолъ?

Вотъ теперь все это мнѣ вспомнилось такъ ярко, словно это было только вчера. Мы говорили о Ленинѣ и его “крестьянско-рабочемъ правительствѣ”, которое онъ возглавилъ. Развѣ это — не увядшая мечта Иллиодора создать царство, въ которомъ были бы только царь и народъ? Развѣ нынѣ Ленинъ не отменяетъ всѣ культурно-интеллигентные слои населенія, желая подъ видомъ или именемъ предсѣдателя народныхъ комиссаровъ единодержавно царствовать надъ народомъ въ мужицко-рабочемъ царствѣ? Развѣ не то же отношеніе къ интеллигенціи, особенно къ социалистической, какъ и у Иллиодора? Ему она мѣшаетъ больше всѣхъ культурныхъ слоевъ, и потому онъ ее травитъ, — какъ нѣкогда Иллиодоръ сжигалъ “гидру революціи”, — и сжигаетъ всѣ культурные корабли, дабы не было возврата... Оба авантюристы и фокусники, обманщики: одинъ именемъ Христа, другой именемъ Маркса... Оба — фантазеры, мечтатели, честолюбивцы и властолюбивцы. Разница одна: Иллиодоръ пережилъ уже свою мечту, Ленинъ — еще въ ея власти. Иллиодоръ раскрылъ коробочку и выбросилъ уже стекляшки вонъ, а Ленинъ не хочетъ раскрывать...

Увы! — Жизнь сама дѣлаетъ это ежедневно, ежечасно и громко кричитъ на весь міръ:

Не вѣрьте! У него въ коробочкѣ — не драгоценный камень, а стекляшка!

«Свобода Россіи» — 1918 г.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА.

I.

Гдѣ то, въ извѣстной точкѣ, среди безбрежнаго пространства Сѣвернаго Ледовитаго Оксана, умираетъ въ снѣжной норѣ отважный путешественникъ. При колышавшемся свѣтѣ Полярнаго Сіянія заноситъ онъ въ свой дневникъ коченѣющей рукой героически — простыя строки.

“Достигъ широты” 87 гр. 20 м. 32 с. Около часа назадъ умеръ послѣдній членъ экспедиціи: скоро моя очередь. Привѣтствую того, кто идетъ за мной и вѣрю, что Полюсь будетъ всетаки открытъ.

Полюсь нынѣ достигнутъ. Определенный, математическій пунктъ на земномъ Глобусѣ послужилъ гнѣздомъ для водруженія знамени со славнымъ девизомъ: “Это сдѣлалъ человѣкъ”. Человѣкъ, совершившій столько прекраснаго и смѣлаго на своей маленькой Планетѣ!

Человѣчество идетъ дальше. Полюсь всегда существовалъ, его надо было только ощупать ногами. Цѣль же человѣчества — видимое небо и невидимая безконечность. Отъ звѣринаго вида, отъ обезьяноподобія, оно неуклонно пробиваетъ себѣ дорогу вверхъ, къ какой то таинственной, недосыгаемой звѣздѣ. Кто то недаромъ сказалъ: “тысячелѣтія понадобились для того, чтобы человѣчество стало на двѣ ноги; достаточно десятилѣтія, чтобы оно вновь опусти-

лось на четвереньки". И, правда, часто на своемъ тяжеломъ извилистомъ пути, усѣяннымъ острыми камнями и терновникомъ, оно склонялось до земли, блуждало среди непролазныхъ чащъ, падало и скатывалось внизъ, обагривъ препятствія своею горячею, живою кровью. Но оно тотчасъ же вставало — ибо столѣтiя лишь краткiя мгновенiя въ длинной исторiи человѣчества — и неутомимо взбиралось на высоты еще болѣе далекiя, еще болѣе неприступныя.

Сначала оно ползло подобно толпѣ слѣпыхъ гусеницъ, повинуваясь лишь стихiйному инстинкту. Но съ каждымъ часомъ, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ вѣкомъ, — этимъ биенiемъ пульса вѣчности — его восходящая дорога все яснѣе и шире озарялась чудеснымъ свѣточемъ сознанiя.

Насталъ наконецъ день, когда оно не только прочно утвердилось на обѣихъ ногахъ, но и подняло голову къ небу, къ солнцу, чего не смѣетъ сдѣлать ни одно земное животное.

Это случилось тогда, когда одинъ, отдѣльный человѣкъ сказалъ:

“Если я до сей поры слѣпо, глухо и нѣмо, какъ безпомощный червь способствовалъ великому движенiю человѣчества вверхъ, и если я теперь съ гордой радостью сознаю мою неразрывную связь съ миллионами поколѣнiй до и послѣ меня, то всѣ мои заслуги, честь, счастье и долгъ состоятъ именно въ томъ, чтобы отдать всего себя на достиженiе общей недосыгаемой цѣли. И уже сколько тысячъ героевъ запечатлѣло своей чистой кровью и своими страданiями будущее торжество этой прекрасной мысли. Развѣ напрасно чтить исторiя ихъ святыя имена?”

Но какъ часто возвышенная идея превращалась изъ цѣли добра и красоты въ орудiе насилия и разрушенiя, по-

падая въ руки глушцовъ, властолюбцевъ, фанатиковъ и лжецовъ! Развѣ не самый яркій примѣръ этому христіанство, бѣлоснѣжныя одежды котораго прожжены огнемъ костровъ инквизиціи и залиты кровью религіозныхъ войнъ? Развѣ не тонули въ слезахъ, крови и грязи золотыя слова “свобода, равенство и братство”?

Одинъ изъ вождей большевизма сказалъ въ минуту сомнѣнія, словами почти изъ дневника Полярнаго Путешественника:

“Если мы даже и будемъ побѣждены, то памятью о насъ останется та высокая черта, которой мы достигли въ классовой борьбѣ”.

Да. Черта останется. Но она окажется гораздо ниже того уровня до котораго само собою, безъ всякаго насильственного вмѣшательства, подымается и поднялось человѣчество. Проведенная кровью на острыхъ утесахъ, она будетъ гласить!

“Вотъ предѣлъ до котораго скатилось сверху человѣчество, спутавшееся въ огромный воющій, дерущійся, кровавый, уродливый комокъ. Но и сквозь животныя инстинкты, послушное властному зову своего генія, оно потомъ встало, заливало раны, отдохнуло и пошло прежней вѣрной дорогой усовершенствованія личности. И — поглядите на какія далекія сіяющія вершины оно уже успѣло взобраться. Свалки на пути не помѣшали его славному восхожденію. Задержавшись духовно на сотни лѣтъ, т. е. на нѣсколько секундъ, оно давно заверстало заминку. Оно знавало въ своей продолжительной жизни и болѣе суровыя препятствія: гибель цѣлыхъ материковъ и высокихъ культуръ, тридцатилѣтнія и столѣтнія войны, мракъ и безуміе средневѣковья, міровую язву, голодъ, великое переселеніе

народовъ, потошы и землетрясенія... Падало и вновь вставало и вновь шло вверхъ руководимое незримымъ Геніемъ Человѣческаго Рода, который все внятнѣе говоритъ намъ:

“Мое Я обитаетъ не въ брюхѣ, а въ сердцѣ. Не въ ненависти, а въ любви. Оно не отнимаетъ и не разрушаетъ, а творить и радостно отдаетъ себя”.

II.

Разрозненные измятые листки... Замѣтки, сдѣланныя небрежно, впопыхахъ, на извозчикѣ, во время бессоницы при свѣтѣ спички.. Кое что записано иносказательно, намеками, начальными буквами, но потомъ условный языкъ позабылся, и смыслъ потерянъ на вѣки. А иная карандашная запись такъ стерлась отъ времени и трепанья по карманамъ, что ее нѣтъ возможности прочитать....

Вотъ, приблизительно, въ какомъ состояніи находится память — эта умственная записная книжка — каждого чувствующаго и думающаго человѣка, который пробылъ эти годы подъ совдепскимъ прессомъ. Возстановить по ней мрачное прошлое — тяжелый и, пожалуй, напрасный трудъ.

Дневниковъ, или правильныхъ записей текущимъ событіямъ не велъ никто, потому что ни одинъ человѣкъ не могъ поручиться за то, что сегодня ночью къ нему не придутъ съ обыскомъ. Обыкновенная географическая карта, съ приколотой на ней передвижной красной ниткой, обозначающей раположеніе фронтовъ, служила подозрительной уликой въ контръ-революціонности. М. Горькій, задыхаясь отъ гнѣва, рассказывалъ нищущему эти строки о томъ, какъ

быль разстрѣлянъ какой то глупый и, должно быть, исключительно слабопамятный мальчуганъ 14-ти лѣтъ за то, что у него въ тетрадкѣ нашли дурацкое двустишіе, ходившее тогда по Петрограду!

“Лучше намъ царя съ свиной,
Нежели Ленина съ ковиной”...

А, главное, нечего было записывать. Тюрьма, смерть, насилие, обманъ, издѣвательство надъ личностью стали явленіями болѣе обыкновенными, чѣмъ въ прежнія времена чай, обѣдъ, ужинъ и посѣщеніе кинематографа. Достаточно было взять лишь адресную или телефонную книгу и противъ знакомыхъ именъ ставить краткія отмѣтки: Ч.К... Ч.К... Ч.К... умеръ отъ тифа, отъ голода, отъ холеры, дизентеріи, сапа, истощенія... разстрѣлянъ, разстр. разстр. разстр...

И, кромѣ того, за два года Совѣтской Республики — ни одного проблеска любви, великодушія, гордости. Ни одного красиваго жеста, ни одного вѣскаго или горячаго слова! На сѣро-грязно красномъ фонѣ выскакивали демагоги, бубня все тѣ же тридцать — сорокъ фразъ, въ различныхъ соединеніяхъ и перемѣщеніяхъ: додушить буржуазію... Классовая борьба до окончательной побѣды пролетаріата... Гидра контръ-революціи... банды насильниковъ капитализма... миръ хижинамъ, война дворцамъ... и т. д.

Изрѣдка раздавалось циничное слово Троцкаго, или Зиновьева, и звучало оно какъ матерная ругань пьянаго палача, прилаживающаго обмыленную веревку на шею приговореннаго.

“Продержать два года великую революцію на восьмушкѣ хлѣба — это чего нибудь да стоитъ”...

“Развѣ это голодъ, когда населеніе ѣсть жмыхи? Голодъ, — когда мать съѣсть своего ребенка”.

“Чѣмъ, чѣмъ, а человѣческимъ матеріаломъ мы богаты.

“Теперь мы можемъ съ гордостью констатировать, что, благодаря мощнымъ усиліямъ революціи, жизнь отдѣльной личности потеряла всякую цѣнность”.

“Если мы издадимъ декретъ, по которому въ такой то день и часъ всѣ граждане Петрограда, не достигшіе 50-тилѣтняго возраста, обязаны явиться на Марсово Поле для получения 25-ти розогъ, то 75 проц. непременно явятся и станутъ въ хвостъ, а 25 проц. представляютъ медицинское свидѣтельство, увольняющее ихъ отъ этой гражданской обязанности”.

“Можетъ быть мы и уйдемъ, но, уходя, хлопнемъ дверью”. — И т. д.

И больше не было ничего.

Жертвы “Чрезвычайекъ” не оставили намъ ни одной прощальной строки, ни одной предсмертной мысли. Ихъ послѣднія слова никѣмъ не были услышаны. Китайцы и латыши, если и понимали кое что по русски, то души языка они не могли понять. Кромѣ того, они профессионалы. Имъ все равно...

Часто приходитъ въ голову мысль: изъ какихъ источниковъ почерпнетъ свой матеріалъ будущій историкъ Советской Республики? Свободной и хоть сколько нибудь безпристрастной прессы не существовало. Заграничная печать говорить о Совдепскихъ дѣлахъ съ тою же правдивостью и освѣдомленностью, какъ она раньше говорила о бѣлыхъ медвѣдяхъ на Невскомъ, о развѣсистой влюквѣ, о сальныхъ свѣчахъ въ видѣ десерта, о дымящемся само-

варѣ, который привѣтливый хозяинъ рѣжетъ на вкусные ломти. Красная пресса — это будетъ ясно и черезъ столѣтъ—ни что иное, какъ нахальная, лживая и грубая рѣчь шарлатана, выхваляющаго съ высоты своей телѣжки вѣчный клей для посуды, или вѣрнѣйшее средство отъ зубовъ и мозолей.

Ему останется для его работы одна, незыблемая основа — государственные декреты. И я заранее вижу, какъ промучившись надъ ними нѣсколько ночей подъ рядъ, будущій ученый порывисто сбрасываетъ очки, ерошитъ съдые волосы и, ударивъ кулакомъ по столу, кричитъ въ отчаяніи:

— Какой злой дуракъ назвалъ это декретами? Одинъ законъ противорѣчитъ другому. Большинство написано въ томъ истерическомъ приподнятомъ тонѣ, какимъ пишутъ въ сумасшедшихъ домахъ параноики. Половину изъ нихъ нельзя провести въ жизнь никакими человѣческими и дьявольскими средствами, другая половина основана на завѣдомой лжи, на дикой фантазіи. И гдѣ же здѣсь государственная мудрость, если каждое слово сочтется злобнымъ науськиваніемъ и потворствуетъ низменнымъ инстинктамъ толпы? Я увѣренъ, что если бы въ тѣ времена какойнибудь догадливый издатель выпустилъ небольшой, но хорошо подобранный томикъ этихъ декретовъ, то такая книжка была бы мгновенно изъята изъ обращенія и сожжена”.

Добросердечный коллега участливо посовѣтуетъ ему:

— А вы бы обратились къ секретнымъ документамъ того времени.

Историкъ бросить на него яростной взглядъ.

— А гдѣ они, чертъ ихъ возьми, эти документы? Большевики были великими мастерами на всякія злодѣяства,

но хоронить концы они умѣли лучше всего. Документовъ нѣтъ.

И успокоясь немного, прибавить мечтательно:

— Найти бы чьинибудь мемуары... дневничекъ какойнибудь... Или просто памятную книжку... хоть бы приходо-расходную...

Но — увы! въ наши времена никто даже не сводилъ приходо-расхода. Какъ не сводить ихъ быкъ, который, на пути къ бойнѣ, остановился чтобы вырвать кусокъ травы, выросшей между камнями мостовой.

III.

Русскій большевизмъ...

Нѣтъ, это не ученіе и не партія... Это только методъ, только способъ дѣйствія, только средства, давно потерявшія связь съ цѣлью, которая должна была ихъ оправдывать.

Когда германцевъ впервые горько упрекнули за употребленіе удушающихъ газовъ, то одинъ изъ ихъ военачальниковъ отвѣтилъ съ жестокой дерзостью:

“Подождите. У насъ еще осталось въ запасѣ двѣнадцать подобныхъ новинокъ”.

Но за германской жестокостью стояло великое слово “Родина”. Большевикамъ же не спрятаться даже за міровую власть пролетаріата, чистое имя котораго они такъ всуе осквернили, затаскали и изуродовали.

Ихъ способы подтопки костра перманентной революціи напоминаютъ приемы Сатаны, разжигающаго свои адскія печи.

Они приняли, какъ законъ, самую отвратительную и самую страшную формулу:

“Только пороки и слабости человѣческіе положительны, дѣйствены, сильны и красочны. Добродѣтели негативны; онѣ состоятъ лишь въ отсутствіи пороков; онѣ безцвѣтны, вялы, неподвижны и непрочны. Поэтому тотъ, кто хочетъ властвовать надъ людскими массами, долженъ умѣть использовать ихъ животныя и дьявольскія качества”.

Эта циничная увѣренность сквозить и звучить во всѣхъ рѣчахъ, во всѣхъ мѣропріятіяхъ вождей большевизма.

Съ какимъ постоянствомъ и искусствомъ играютъ они на самыхъ низменныхъ душевныхъ сторонахъ черни, лъстя ея стадному самолюбію, потверствуя ея разнузданности, отворяя шлюзы ея хищнымъ инстинктамъ, обезпечивая безнаказанность ея темнымъ страстямъ, науськивая ея стихійную злобу.

Человѣкъ, болѣе всякаго другого животного, дорожить своимъ земнымъ существованіемъ.

Большевики пошли навстрѣчу этому могучему инстинкту, заключивъ позорный брестскій миръ, который сами же они называли “похабнымъ”. Въ то же время изъ подъ ногъ послѣдняго храбраго и честнаго солдата они вырвали единственную прочную доску — представленіе о Родинѣ, оплевавъ, осмѣявъ, растоптавъ это имя. Милліоны сестеръ, матерей, дочерей, бабушекъ и вдовъ находили только въ немъ опору, утѣшеніе и оправданіе. И, вотъ, въ одинъ мигъ оказалось, что дорогая кровь была пролита понапрасну, впустую, и что великая материнская скорбь, которой переполнялись безрадостные дни и безсонныя ночи, была выкрикнута въ пустое пространство, сведена на нѣтъ, скомкана и выброшена какъ ветошь, уступивъ мѣсто тупому отчаянію, тяжелой покорности.

Когда демобилизованные солдаты озвѣрѣлыми стадами, потерявшими снаружи и внутри всякое человѣческое по-

добіе, ринулись съ позицій, вися на крышахъ вагоновъ, на буферахъ, имъ какъ разъ во время былъ кинуть подлѣйшій лозунгъ “грабь награбленное”. Кто изъ насъ не помнитъ этихъ страшныхъ дней, когда опьянѣвшіе и безнаказанные хамы громили квартиры, убивали среди бѣла дня безоружныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей и торговали на тѣсныхъ толкучкахъ всѣмъ, начиная отъ танагрскихъ статуэтокъ и кончая солдатскими шароварами и казеннымъ ружьемъ. “Денекъ, да мой!” — орали они... Такъ отведены были въ самое грязное русло послѣдніе остатки справедливости, долга, чести и стыда.

Въ Гельсингфорсѣ, Выборгѣ, Кронштадтѣ и Севастополѣ матросы устраивють безсмысленныя, кровавыя бойни офицеровъ. Ихъ за это публично и торжественно величаютъ “красой и гордостью революціи”.

Изъ убійць Шингарева и Кокошкина, одинъ находится во главѣ петроградскаго продовольственнаго комитета, другой — комиссаръ на Гороховой № 2, но оба также числятся неразысканными, какъ и гуляющіе на свободѣ, совсѣмъ открыто, убійцы трехъ мальчиковъ Генглезовъ.

Вотъ какъ потакають большевики самому проклятому, самому темному человѣческому инстинкту — влеченію къ пролитію крови и имъ они пользуются въ своихъ интересахъ.

Голодь и страхъ — рѣшили большевики — самые жгучіе бичи, которыми можно гнать человѣчество куда угодно. Если передъ мордой голодной клячи повѣсить на длинной удочкѣ недосыгаемый клокъ сѣна, а въ то же время лупить ее, не переставая кнутомъ по спинѣ, то она побѣжитъ вдвое скорѣе. Потомъ пусть хоть сдохнетъ.

Недостатокъ свѣтныхъ припасовъ въ городахъ былъ

на руку большевикамъ, и если угодно, я приведу цѣлый рядъ доказательствъ того, что совѣтская власть умышленно держала городское населеніе въ голодѣ.

IV.

У большевистскихъ ораторовъ есть одна любимая, расхожая фраза:

“Когда во время великой февральской революціи лилась ручьями кровь борцовъ за свободу...”

Мнѣ кажется, что всякій разъ, услышавъ эти праздныя и лживыя слова, старый дьяволъ хохочетъ у себя въ преисподней, и браслеты изъ череповъ трясутся и бренчатъ на его когтистыхъ рукахъ, поросшихъ сѣдой шерстью.

Если улицы перегорожены баррикадами, и трещить ружейная перепалка, и рвѣютъ красныя знамена, и носятся въ воздухъ огнекрылыя слова, это — прекрасныя минуты, но это еще не революція.

Революція тогда, когда женщина пробьетъ камнемъ стекло булочной и закричитъ:

Эй, вы! Хлѣба! Хлѣба кормящей матери и ея дѣтямъ!

Съ этого и началась февральская революція 1917-го года. А надо сказать, что хлѣбный паекъ былъ тогда въ 2 фунта, карточная ситема еще не вводилась и неудовольствіе жителей происходило, главнымъ образомъ, изъ за долгихъ очередей.

Прошло два года. Осень. Утро. Дождикъ. Длинная вереница женщинъ дожидается у продовольственной лавки. Хвостъ идетъ отъ самыхъ дверей, тянется по тротуару вдоль четырехъ домовъ, заворачиваетъ за уголъ и продолжается сажень на тридцать по переулку... Ни ропота, ни

жалобы, ни вздоха... Еще бы! Третьяго дня лудильщиковъ мальчуганъ пробурчалъ про себя, ни къ кому не обращаясь:

“Прежде хушь слободы не было, да жрать было”.

А въ тотъ же вечеръ пришли къ нимъ изъ домъ солдаты съ ружьями и увели обоихъ, — и лудильщика и сынишку — а куда — невѣдомо.

Стоять. Молчать. Ждутъ.

Чего?

Праздникъ если дадутъ восьмушку хлѣба. А то овсяной мякны (отсѣвки; просѣяная мука шла совѣтскимъ), по категоріямъ: кому полтора, кому фунтъ, кому половина, судя по степени приверженности къ власти; хлѣбъ, испеченный изъ нея, изобиловалъ мелкой дресвой, вонзавшейся въ языкъ, небо и гортань. Или зеленой капусты “хряпы”. Или фунтъ мерзлаго, черного ослизлаго картофеля. Или по два фунта подсолнечнаго сѣмени. Или жмыховъ....

Жмыхи! Представляете ли вы себѣ, что это такое?

Огромныя массы сѣмянъ пропускаются между мощными стальными валами. Страшное давленіе выжимаетъ изъ нихъ — изъ ихъ ядрышекъ и шелухи — всѣ, какіе только есть, соки и масла. Остаются большія плиты, той извиистой, гофрированной формы, какой бывають стѣнки калориферныхъ печей и твердости почти желѣзной. Стоитъ большихъ мужскихъ усилій, чтобы отломать углышекъ.

Но изслѣдованіямъ, питательныхъ частей въ жмыкахъ заключается по вѣсу:

Въ коноплянныхъ — одна сотая,

Въ льняныхъ — одна двухсотая,

Въ подсолнечныхъ — нуль.

То есть, для того, чтобы слегка насытиться, хотя бы благороднымъ конопляннымъ жмыхомъ, надо было ввести

его въ желудокъ 2 пуда 20 фунтовъ! Однако эту гадость все таки рубили, толкли, смѣшивали съ картофельными очистками, пекли... и ѣли.

Иногда всю недѣлю не давали ровно ничего. А въ понедѣльникъ вдругъ жаловали по фунту... клюквы. Это утверждаю я, получившій лично въ магазинъ бывш. Комплиментова, на углу Соборной и Бомбардирской, въ гор. Гатчино, три фунта клюквы по тремъ хлѣбнымъ купонамъ.

А женщины молчали. Молчали матери. Это уже предѣлъ смиренія и рабства. Гибель. Аминь.

А между тѣмъ хлѣбъ былъ. Были также и сахаръ, и мясо, и рыба, и масло, и бѣлая мука, и всякія крупы, и яйца.

Я не говорю о томъ, какъ питались коммунисты Совдепа и Исполкома съ женами и свояченицами. Этимъ племянникамъ революціи, этимъ избраннымъ сосудамъ необходимымъ былъ елей для поддержанія священнаго огня. Но выдавались случаи, когда верховная власть, по неожиданной милости, или капризу, вдругъ снимала на нѣсколько дней заградительные отряды, разрѣшала свободный провозъ продуктовъ и притворялась, что глядитъ сквозь пальцы на вольную рыночную продажу.

Тогда, точно по волшебству, большіе петербургскіе рынки — Сѣнной, Клинскій, Кузнечный, Бассейный, Вас.-Островскій и другіе переполнялись съѣстными припасами. Замѣчательно: несмотря на позорную низость совѣтскаго рубля, цѣны начинали падать!! Ржаная мука спускалась съ 180-ти р. 200 р. до 80-ти. Это служило, по моему, вѣрнѣйшимъ доказательствомъ наличія солидныхъ запасовъ провизіи гдѣ то въ окрестностяхъ столицы. Еще болѣе удивительно было то, что цѣны падали и въ зависимости отъ успѣховъ Бѣлой Арміи.

Однако эти пиршественные дни кончались круто и скоро.

Однажды, въ самый разгаръ торговли, рынки оцѣплялись красногвардейцами. Весь товаръ реквизировался какъ у продавцовъ, так и у покупателей. Кстати ужь, конфисковались бумажники, часы, перстни и золотыя обручальныя кольца. Не были въ безопасности и тѣ счастливицы, которые успѣвали, еще до роковой облавы, натаскать въ свои щелочки кое какую провизію. Недреманный “Комбед” (Комитетъ Домовой Бѣдноты) наводилъ смыскъ на эти укромныя норки, и провизія попадала туда, куда ей и слѣдовало: въ желудки революціоннаго авангарда.

Хлѣбъ былъ. Его было “непроворотъ” на востокѣ, въ бассейнахъ, Вятскомъ, Камскомъ, Волжскомъ, а также южнѣе и юго-западнѣе Москвы. Въ Уфѣ и Вяткѣ хлѣбъ до сихъ поръ стоитъ необмолоченный съ 1912-го года. Когда мнѣ говорятъ о плохой провозоспособности желѣзныхъ дорогъ я не вѣрю этому. Московско-Рязанско-Уральская дорога показала въ своихъ отчетахъ 70 экстренныхъ, по совдепскимъ надобностямъ, поѣздовъ въ мѣсяць. Наконецъ мы видѣли съ какой энергіей — и какъ быстро перебрасывали большевики, въ случаѣ крайности, огромныя арміи съ фронта на фронтъ по желѣзнодорожнымъ путямъ!

Но давно уже, наблюдался одинъ поразительный и нелѣпый законъ: стоило только совѣтской власти прочно утвердиться въ какомъ нибудь сытомъ, обильномъ городѣ, какъ черезъ недѣлю всѣ припасы исчезали безслѣдно и населеніе переходило на фунтовый паекъ. Правда, между комиссарами продовольствія вовсе не въ рѣдкость пріятные молодые люди, лѣтъ девятнадцати, считающіе себя въ полумилліонѣ “царскими” (совѣтскими они не берутъ).

И еще. Развѣ не существуетъ у насъ воднаго транс-

порта? Развѣ 1919-й годъ не былъ урожайнымъ выше средняго? Развѣ большевистскія газеты не писали о томъ, что среди крестьянъ растетъ трогательное довѣріе къ власти.

Разгадка вопроса гораздо проще и ужаснѣе. Надо только вспомнить знаменитый рецептъ Маркса: “господство пролетариата легче всего можетъ быть достигнуто въ странѣ изнуренной войной, т. е. усталой, обездоленной и обезсиленной”. Ленинъ неоднократно цитировалъ это положеніе въ своихъ рѣчахъ. Даже у этого умнаго человѣка фанатическое преклоненіе передъ Марксомъ перевѣшивало иногда выгоды умѣстнаго молчанія.

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ возможно было производить фантастическіе социальныя опыты надъ сытыми людьми? У сытаго человѣка кровь краснѣе и гуще, и обращается она въ тѣлѣ съ большей упругостью и энергіей. Здоровый человѣкъ заоретъ и забрыкается, если его потащутъ къ вивисекціонному столу. Здоровый и бодрый организмъ — поглядите на животныхъ! — никакъ не можетъ потерпѣть на себѣ присутствія паразитовъ.

Не голодомъ, а постояннымъ недоѣданіемъ довели большевики городскія массы до полного отупѣнія, до помраченія разума и потери воли. Сотни людей умирали ежедневно не отъ голода, а отъ изнуренія, отъ изнеможенія, — просто потухали, какъ ночникъ, въ которомъ выгорѣло масло. Шелъ человѣкъ по улицѣ слабыми, дрожащими шагами и вдругъ падалъ. Или, сидя въ трамваѣ, только закрывалъ глаза и, какъ будто бы засыпалъ. Самоубійствъ не было вовсе. Не стало волевого импульса.

Истощеніе влекло за собою малокровіе мозга, т. е. вялость мысли, апатію, скуку, лѣнь, сонливость, потерю

памяти и воображенія, ослабленіе задерживающихъ центровъ. Вспоминаю я октаву одного безвѣстнаго поэта:

... Гдѣ дружба, вѣрность честь и вдохновенье?
Одла лишь мысль — набигъ трухой животъ.
Сталъ человѣкъ. — вѣнецъ пищепроводъ,
Не человѣкъ, — пустой пищепроводъ,
Готовый на позоръ и униженье
За горсть объѣдковъ. Бѣдный мой пародъ!
Твоя-ль предъ Богомъ не плачевна доля?
Обманъ, насилье, плетка и неволя...

И вспоминаю такъ же, какъ проходилъ сквозь Гатчино какой то красный эшелонъ, направлявшійся на позиціи. Какіе это были жалкіе люди, маленькіе, съ землисто-зелеными отечными лицами, 56-тилѣтній старикъ рядомъ съ 15-ти лѣтними мальчиками, отрепанные, въ лаптяхъ, башмакахъ, туфляхъ, валенкахъ и портянкахъ, рваные, грязные, упорно молчаливые, съ идиотическимъ, недовѣрчивымъ, испуганнымъ взглядомъ изподлобья! А впереди — не позади, а впереди, какъ знамя — ѣхала походная кухня и изъ ея узкой трубы курился дымокъ. Страшная и символическая картина.

Прежде комиссары заманивали людей въ ряды арміи сытнымъ красноармейскимъ пайкомъ. Теперь они довели массы до той степени упадка, безсознательности и истощенія, что ихъ стало можно посылать въ атаку макензеновскими густыми цѣпями, поддерживая ихъ существованіе лишь тѣмъ минимумомъ пищи, который позволяетъ держаться на ногахъ, и заглушая пулеметами слабыя невольныя вспышки инстинкта самосохраненія.

V.

Использовать...

Это отвратительное словечко пошло особенно ходко и приняло свое мерзкое значеніе съ начала девятисотыхъ годовъ:

Использовать климатъ, рабочую силу, доброту человѣка, народное негодованіе, голодъ, нужду, силу водопада, гостепріимство, морскія купанья, даровые проѣзды, личное знакомство, велосипедъ данный на сохраненіе, чужой паспортъ, честное слово, сосѣднее рогозѣйство и наивное довѣріе...

Большевики использовали всѣ темныя, преступныя, грязныя и кровавыя стороны человѣческой души. Они удовлетворили и привели въ движеніе всѣ низменныя страсти. Они заставили служить себѣ всѣ семь смертныхъ грѣховъ и сотни ихъ современныхъ утонченныхъ оттѣнковъ.

О злѣбѣ, трусости и жадности мы уже говорили. Прибавимъ сюда еще:

В л а с т о л ю б і е. Большевики создали въ центрѣ и на мѣстахъ такую безграничную, фантастическую власть, подобной которой не видѣлъ міръ во времена греческихъ тирановъ, въ эпохи Нерона, Филлиппа II, Іоанна Грознаго и Николая I — безконтрольную и безотвѣтственную власть надъ имуществомъ и личностью не только буржуа, а просто человѣка въ брюкахъ на выпускъ.

Есть поговорка: золото испытываютъ огнемъ, женщину — золотомъ, мужчину — женщиной. Но есть и страшнѣйшая сила — власть. Только у нашихъ отечественныхъ хамовъ она выражается въ дикомъ видѣ:

— Чего моя лѣвая нога хочетъ?

Въ дѣлѣ налоговъ, реквизиціи, распредѣленіи продуктовъ, провинція совершенно не считалась съ центральнымъ управленіемъ. Если къ какому нибудь уѣздному или сельскому сатрапу пріѣзжалъ ревизоръ изъ центра, сатрапъ кричалъ на него:

— Что? Ленинъ? Плюю я на твоего Ленина! Я самъ себѣ Ленинъ!

Въ этомъ же онъ увѣрялъ и своихъ поданныхъ. Вродѣ того, какъ въ старыя времена начальникъ каторжной тюрьмы внушалъ только что вышоротымъ арестантамъ:

— Я для васъ — Богъ, царь и законъ!

Но этого мало. Самая огромная власть надъ обывательскимъ “животомъ и смертію”, власть больше божеской — была предоставлена каждому охотнику свести личные счета, каждому любителю сильныхъ ощущений, каждому уличному грабителю, бахвалу, скандалисту и задирѣ. Всѣ обыватели Совдепіи читали на заборахъ временное постановление такого, приблизительно, содержания:

“Въ виду увеличивающейся контръ-революціонной пропаганды, вмѣняется въ обязанность всякому истинному гражданину Р. С. Ф. С. Р. задерживать лицъ замѣченныхъ въ осужденіи или порицаніи совѣтской власти, а въ случаѣ сопротивленія, разстрѣливать ихъ на мѣстѣ, безъ суда”.

Я не ручаюсь за вѣрность текста. Но тысячи грамотныхъ людей клятвенно подтверждаютъ точность смысла этого чудовищнаго документа.

К л е в е т а. Л о ж ь. Вся Совдепія была окружена сплошной паутиной шпіонажа — официальнаго и добровольческаго, взаимнаго и перекрестнаго. По анонимнымъ письмамъ, по самымъ нелѣпымъ доносамъ чинились мгновенные судъ и расправа. Зависть, ревность, ссора служили побудительными причинами, такъ же какъ ощущеніе минутной

власти надъ судьбою человѣка, зависящей отъ двухъ трехъ неподписанныхъ и безнаказанныхъ строчекъ клеветы... За головы крупныхъ враговъ назначались денежные премии. Чрезвычайки были перегружены черной ябедой и провоняли трупами.

Изъ всего мерзкаго, что сдѣлали большевики, этотъ путь розыска былъ самымъ развращающимъ.

Л ѣ н ь. З а в и с т ь. С л а д о с т р а с т и е. Объ этомъ мы еще успѣемъ поговорить въ своемъ мѣстѣ, когда коснемся развала промышленности, уплотненія квартиръ и совдепскихъ браковъ.

Я только хочу сказать, что вызывая человѣческіе пороки, поощряя ихъ и на нихъ играя, большевики соединили вокругъ себя самыхъ преступныхъ, но за то и самыхъ дѣятельныхъ въ разрушеніи людей. Они потомъ нерѣдко отбарахтывались отъ этой, вызванной ими изъ бездны черни, говоря: “къ сожалѣнію къ намъ примазалось слишкомъ много сволочи”. Но было уже поздно. Большевики сами плыли по развитому ими грязному и кровавому морю, дѣлая всѣ усилія, чтобы ихъ не захлестнуло и стараясь не стать противъ теченія. Они слѣпо идутъ за волной и не знаютъ, куда ихъ несетъ. Конечно ни одинъ изъ нихъ по настоящему въ міровую революцію не вѣритъ. Однако судьбы Дантона и Робеспьера имъ памятны. Оба пробовали переложить руль. Но не во время. И оттого погибли. Больше же всѣхъ это знаетъ и этого боится Ленинъ.

“Русская Жизнь” 1—22-го декабря 1919 года.

Ив. Бунинъ.

ИЗЪ «ВЕЛИКАГО ДУРМАНА».

... Случилось то, чему нѣтъ имени на человѣческомъ языкѣ, но что должно было случиться, повторилось уже не разъ бывалое, только въ небывалыхъ еще размѣрахъ.

Порваго мая текущаго года, въ Москвѣ, въ такъ называемой “совѣтской” Россіи, достигшей къ этому времени чающая, — первый номеръ “Коммунистическаго Интернаціонала”. На обложкѣ красуется, конечно, обычный лубокъ ” самымъ площаднымъ образомъ наляпанный земной шаръ, весь опутанный желѣзными цѣпями, и фигура яростно размахнувшася на эти цѣпи молотомъ рабочаго, конечно, голаго, конечно, только въ кожанномъ передникѣ, конечно, съ геркулесовскими мускулами, — а въ текстѣ можно прочесть, потрясающее по своему безстыдству заявленіе Горькаго “пролетаріату всего міра”, что Россія “творить нынѣ великое, планетарное дѣло”, а во вторыхъ, такіа душу раздирающія своей грубостью строки:

— “Цари и попы, старые владыки Кремля, никогда, надо полагать, не предчувствовали, что въ его сѣдыхъ стѣнахъ соберутся представители самой революціонной части современнаго человѣчества. И, однако, это случилось, кротъ исторіи недурно рыль подъ Кремлевской стѣной”.

Строки эти принадлежатъ одному изъ главнѣйшихъ

представителей “рабоче-крестьянской власти”, царствующей въ Кремлѣ, — о, Богъ мой, эта власть — какая это сто-кратная нелѣпность, какой архи-издвѣвательскій хохоть надъ одурманенной чорту душу продавшей Россіей! — строки принадлежатъ Троцкому и звучатъ, какъ видите, очень увѣ-ренно. Однако, только въ одномъ правъ Троцкій: подлый звѣрь, слѣпой, но хитрый и когтистый кротъ въ самомъ дѣлѣ не дурно рылся подъ Кремль, благо почва подъ нимъ еще рыхлая, — въ остальномъ Троцкій ошибается. Старыя владыки Кремля, его законные хозяева, его кровные отцы и дѣти, строители и держатели русской земли, въ гробахъ перевернулись бы, если бы слышали Троцкаго и знали, что сдѣлали надъ русской землей его сообщники; несказанна была-бы ихъ боль при видѣ того, что совершается въ стѣ-нахъ и за стѣнами Кремля, гдѣ по развеселому восклицанію одного нынѣшняго московскаго поэта,—

Изъ опрокинутой лоханки, —
Какъ вода въ банѣ,
Кровь, кровь хлещеть,

невыразимый ужасъ охватилъ бы этихъ царей и “поповъ” при видѣ того гигантскаго кроваваго балагана, въ который превращена Россія, но думаю всетаки, что предчувствовать всяческія новыя бѣды и позорища, которыя еще много разъ могутъ поразить ихъ несчастную родину, они не только могли, но и должны были. Они знали и помнили о страш-ныхъ и многократно повторявшихся на Руси дняхъ вся-ческихъ смуть, усобиць, “сварь”, “нелѣпиць”, когда, по слову лѣтописца, — какъ будто о нашихъ дняхъ говоря-щаго, — когда “земля сѣялась и росла усобицами”, когда “рѣдко звучалъ голосъ земледѣльца, но часто каркали во-роны, дѣля межъ собой трупы, ибо сказалъ братъ брату: это мое, а это мое-же, а поганые со всѣхъ сторонъ прихо-

дили на нихъ съ побѣдами, и стоналъ туюю Кіевъ, а Черниговъ напастями...” Цари и “попы” многіе могли предчувствовать, зная и помня лѣтописи русской земли, зная перемѣнчивое сердце и шаткій разумъ своего народа, его и слезливость и “свирѣпство”, его необозримыя степи, непроходимыя лѣса, непролазныя болота, его историческія судьбы, его сосѣдей, “жадныхъ, лукавыхъ, немилостивыхъ”, и его “младость” передъ ними, его всяческую глушь и дичь и его роковую особенность: кругами совершать свое движеніе впередъ, — знали, словомъ, все то, отъ напасти чего все-таки спасали его “цари и попы”, подвижники и святители московскіе, радонежскіе, саровскіе, соловецкіе, — все то, что заставило Грознаго воскликнуть: “азъ есмь звѣрь, но надъ звѣрьми и царствую!” — все то, что еще слишкомъ мало измѣнилось до нашихъ дней, да и не могло измѣниться по щучьему велѣнію при всѣхъ этихъ степяхъ, лѣсахъ, топяхъ и за такой короткій срокъ, который насчитывается настоящей русской государственности.

“Цари и попы!” Вотъ мы такъ дѣйствительно не предчувствовали долженствующаго случиться. А случился, опять случился именно тотъ Пушкинскій бунтъ, “жестокій и бессмысленный”, о которомъ только теперь вспомнили, повторилось уже бывалое, хотя многіе и до сихъ поръ еще не понимаютъ этого, сбитые съ толку новымъ и вульгарно-нелѣпымъ словомъ “большевизмъ”, мыслятъ совершившееся какъ что-то еще невиданное, въ прошломъ имѣющее только подобіе, чувствуютъ его какъ нѣчто такое, что связано съ измѣняющейся будто-бы мировой психикой, съ движеніями того самаго европейскаго пролетаріата, который несетъ будто-бы въ міръ новую прекрасную религію величайшей гуманности и въ то же самое время требуетъ “невмѣшательства” въ непрерывное и гнуснѣйшее злодѣяніе,

которое творится среди бѣла дня, въ двадцатомъ вѣкѣ, въ христіанской Европѣ.

Исторія повторяется, но нигдѣ, кажется, не повторяется она такъ, какъ у насъ, и не Богъ вѣсть сколько основаній давала ея азбука для розовыхъ надеждъ. Но мы эту азбуку сознательно и бессознательно запомнили.

Одинъ орловскій мужикъ сказалъ мнѣ два года тому назадъ удивительныя слова:

— Мы батюшка, не можемъ себѣ волю давать. Взять хоть меня такого-то. Ты не смотри, что я такой смиренный. Я хорошъ, доберъ, пока мнѣ воли не дашь. А то я первымъ разбойникомъ, первымъ грабителемъ, первымъ воровъ, первымъ пьяницей окажусь...

Что это, какъ не первая страница нашей исторіи? “Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ... растащите насъ, а то мы перегрыземъ другъ другу горло... усмирите насъ — мы слишкомъ жестоки при всемъ нашемъ прекраснодушіи и малодушіи... введите насъ въ оглобли сохи и принудите насъ пролагать борозды, ибо иначе наша богатѣйшая въ мірѣ земля заростетъ чертополохомъ, ибо мы зоологической трудоспособности... словомъ, придите и володѣйте нами, въ насъ все зыбкость, все черезполосица... мы и жадны — и нерадивы, способны и на прекрасное, на высокое — и на самое подлое, низменное, обладаемъ и дьявольской недовѣрчивостью — и можемъ быть опутаны нелѣпѣйшей, грубѣйшей ложью, заведены въ какую угодно тряпину съ невѣроятной легкостью...” Вотъ наше начало, а дальше что? А дальше Васька Буслаевъ горько на старости кающійся, что ужъ слишкомъ было много смолоду “бито и граблено”.... А дальше “великія россійскія революціи”: удѣльныя вѣковыя смуты, московскія вѣковыя смуты, лже-вожди, лже-цари изъ послѣднихъ ярыгъ и бродягъ,

передъ которыми при изступленныхъ крикахъ радости и колокольныхъ звонахъ окарачь ползали и надъ растерзанными трупами которыхъ такъ изступленно и гадко измывались потомъ... Дальше — несмѣтные украинскія побоища и звѣрства, кровавый хамъ Разинъ, котораго буквально боготворили цѣлыя поколѣнія русской интеллигенціи, страстно жаждавшей его второго пришествія, той завѣтной поры, “какъ проснется народъ...” Дальше, говорю, все то же: шатаніе умовъ и сердець изъ стороны въ сторону, саморазореніе, самоистребленіе, разбои, пожарища, разлитое море разбитыхъ кабаковъ, въ зельи которыхъ опалѣвшіе люди буквально тонули порой, “захлебывались до смерти”, а на утро — тяжелое похмѣлье и приступы лютой чувствительности, слезы покаянія передъ святынями, вчера поруганными, “поклоны” передъ Краснымъ Крыльцомъ отрубленными головами лже-царей и лже-атамановъ, — помни, помни это, “самая революціонная часть человѣчества”, зашѣвшая въ Кремль!

Вотъ невольно, только что переживъ и еще не изживъ все то, что творилось вчера и творится еще и нынче на Украинѣ, въ колыбели славянской души, невольно вспоминаешь Хмѣльницкаго и его сподвижниковъ: что это было? А вотъ прочтите по складамъ: “Холопы собирались въ шайки, до тла разрушали гнѣзда и богатыхъ, и бѣдныхъ, уничтожали цѣлыя селенія, грабили, жгли, рѣзали, надругались надъ убитыми и посаженными на колъ, сдирали съ живыхъ кожу, распиливали ихъ пополамъ, жарили на угляхъ, обливали кипяткомъ, самое же ужасное остервененіе выказывали къ іудеямъ: на свиткахъ торы плясали и пили водку, вырывали у младенцевъ внутренности и, показывая кишки родителямъ, съ хохотомъ спрашивали: “Жидъ, это трѣфное?” — Вотъ что было. Мы же сваливали всѣ погромы

только на царя, да на его “сатраповъ и приспѣшниковъ”. А самъ Хмѣльницкій? ” Онъ то постился и молился, то безъ просыпу пилъ, то рыдалъ на колѣняхъ передъ образомъ, то пѣлъ думы собтвеннаго сочиненія, то былъ оцель слезливъ, покоренъ, то вдругъ дѣлался дикъ и надмененъ...” А сколько разъ мѣнялъ онъ свои “оріентаціи”, сколько разъ нарушалъ клятвы и цѣлованія креста, съ кѣмъ только не соединялся!

Вотъ Емелька и Стенька, мятежи которыхъ, слава Богу даже уже начали ставить въ параллель съ тѣмъ, что совершается, все еще не осмѣливаясь, однако, дѣлать изъ этого должныхъ выводовъ. Снова разверните и прочтите читанное въ свое время, можетъ быть, невнимательно: “Стенькинъ мятежь охватилъ всю Россію... поднялось все язычество”, — да, да, пусть не бахвалятся Троцкіе и Горькіе своей “красной” Балкирией, это “планетарное дѣло” уже было, было и до “третьяго интернаціонала!” — “поднялись зыряне, мордва, чувашаи, черемисы, башкиры, которые рѣзались и бунтовали, сами не зная, за что бунтуютъ они... По всему московскому государству, вплоть до Бѣлаго моря, шли “прелестныя” письма Стеньки, въ которыхъ онъ заявиль, что “идеть истреблять бояръ, дворянъ и приказныхъ, всякое чиновначаліе и власть, учинить полное равенство”... Всѣ взятые Стенькой города обращались въ “казачество”, все имущество этихъ городовъ “дуванилось” между казаками Стеньки, а самъ Стенька каждый день былъ пьянъ и обрекалъ на смерть всякаго, кто имѣлъ несчастіе не угодить “народу”: “тѣхъ рѣзали, тѣхъ топили, инымъ рубили руки и ноги, пуская потомъ ползти и истекать кровью, неистовствовали надъ дѣвственницами, ѣли, подражая Стенькѣ, мясо въ постные дни и силою принуждали къ тому всѣхъ прочихъ...” А самъ Стенька “былъ человекъ своенравный

и непостоянный, то мрачный и суровый, то бѣшенный, нѣ-когда ходившій пѣшкомъ на богомолье въ далекій Соловецкій монастырь, а потомъ отвергшій посты, таинства, осквернявшій церкви, убивавшій собственноручно священниковъ... Жестокій и кровожадный, онъ возненавидѣлъ законы, общество, религію, — все, что стѣсняетъ личное побужденіе... страданіе, честь, великодушіе были не знакомы ему, мстью и завистью было проникнуто все существо его..." А все "воинство" Стеньки состояло изъ бѣглыхъ, воровъ, лѣвтяевъ, — всей той голытьбы, которая называла себя казачествомъ, хотя природные казаки Дона не терпѣли ихъ, называли ихъ "казаками воровскими". И всей этой сволочи и черни, которую уловлялъ Стенька въ свои сѣти посулами, онъ обѣщаль во всемъ полнѣйшую волю и полное съ собой равенство, а на дѣлѣ забралъ ее всю въ полную кабалу, въ полное рабство: малѣйшее ослушаніе наказываль смертью истязательной, всѣхъ величалъ братьями, а всѣ падали ницъ передъ нимъ..." Богъ мой, какое разительное сходство съ теперешнимъ разбоемъ, чинимымъ во имя будто бы "третьяго интернаціонала", хотя, конечно, Стенькина власть была все таки въ тысячу разъ естественнѣе нынѣшней "рабоче-крестьянской власти", самой противоестественной и самой нелѣпой "нелѣпицы" русской исторіи, хотя, конечно, "правительство" Стеньки, — всѣ эти Васька Усь, Федька Шолудякъ, Алешка Каторжный, — было все таки во сто разъ лучше нынѣшняго "рабоче-крестьянскаго правительства", засѣвшаго въ Кремль и въ отель "Метрополь"!

«Южное Слово» 7-го декабря 1919 года.

Ал. Н. Толстой.

ТОРЖЕСТВУЮЩЕЕ ИСКУССТВО.

Одинъ изъ козырей, чѣмъ большевики щеголяютъ передъ Европой, — это процвѣтаніе искусства въ совѣтской Россіи. Нынѣ искусство — достояніе всего народа. Всѣ произведенія искусства принадлежать государству. На пріобрѣтеніе ихъ и на созданіе музеевъ и летучихъ, для провинціи, выставокъ правительство ассигновываетъ огромныя суммы. Устройство республиканскихъ праздниковъ поручено коллегіи художниковъ. Въ школахъ введена свобода преподаванія и свобода обученія.

Путь восьми-вѣкового рабства конченъ. Искусство служило королямъ и меценатамъ, поддѣлывалось подъ развращенный вкусъ дворянскаго сословія, и окончательно попало въ золотое рабство къ сытой и тупой буржуазіи. Искусство вырождалось, становилось забавой. Свобода была ему нужна, какъ воздухъ.

И вотъ совѣтское правительство объявляетъ, что искусство свободно, что за искусствомъ оно признаетъ все его могучее вліяніе на жизнь и культуру, и уничтожаетъ матеріальную зависимость между творцомъ и потребителемъ, но...

Вотъ тутъ то, въ сущности, и начинается большевизмъ.... Съ этого “но”! Въ этихъ “но” весь ихъ перець, все сверхъ-человѣчество. Большевики не пытаются создавать новое, сотворить идею жизни. Они поступаютъ про-

ще (и ихъ поклонникамъ это кажется откровеніемъ) — они берутъ готовую идею и прибавляютъ къ ней свое “но”. Получается грандіозно, оригинально и, главное, кроваво.

Да здравствуетъ всеобщая справедливость! Но семья тѣхъ, кто сражается противъ большевиковъ, — старики, жены, дѣти, должны быть казнены, а тѣ, кто не желаетъ работать съ совѣтскимъ правительствомъ, — уничтожены голодомъ.

Да здравствуетъ самоопредѣленіе народовъ! Но донскихъ казаковъ мы вырѣжемъ, Малоросовъ, Литву, Финновъ, Эстовъ, Поляковъ, всю Сибирь, Армянъ, Грузинъ и пр. и пр. вырѣзать потому что они самоопредѣляются, не признавая власти совѣтовъ.

Это “но” — роковое и необычайно характерное. Большевики не знаютъ созидательнаго “да”, или сокрушающаго и въ своемъ сокрушеніи творческаго “нѣтъ” первой французской революціи. У нихъ — чисто іезуитское, инквизиторское уклоненіе — “но”, сумашедшая поправка. Словно — одинъ глазъ открытъ, другой закрытъ, смотришь на лицо — оно повертывается затылкомъ, видишь — человѣческая фигура, а на самомъ дѣлѣ кровавый призракъ, весь дрожащій отъ мерзости и вождельнія.

Точно также и съ искусствомъ получилось у нихъ “но”.

...Но искусство, теперь служащее всему трудовому народу, должно быть новымъ, особымъ. Старое искусство продано буржуазной ржавчиной. Новый вѣкъ, міровую революцію должно увѣнчать и славить искусство, стоящее по своимъ задачамъ, пониманію событій и пропагандой силъ на уровнѣ совѣтской программы.

Словомъ, искусству данъ декретъ — быть, хотя и свободнымъ, но опредѣленнымъ, тѣмъ, а не инымъ. И сейчасъ

же, разумѣется, нашлись люди, съ восторгомъ принявшіе на себя эту миссію, — это были футуристы.

Они появились въ Росіи года два до войны, какъ зло-вѣщіе вѣстники нависающей катастрофы. Они ходили по улицамъ въ полосатыхъ кофтахъ и съ разрисованными лицами; веселились, когда ихъ ругали, и наслаждались, когда обыватели приходили въ ужасъ отъ ихъ стишковъ, написанныхъ одними звуками (слова, а тѣмъ болѣе, смыслъ они отрицали), отъ ихъ “безпредметныхъ” картинъ, изображавшихъ пятна, буквы, крючки, съ вклееными кусками обоей и газетъ. Одно время они помѣщали въ полотна деревянные ложки, подошвы, трубки и пр.

Это были прожорливые молодые люди, съ великолѣпными желудками и крѣпкими челюстями. Одинъ изъ нихъ, — “учитель жизни”, — для доказательства своей мужской силы всенародно ломалъ на головѣ доски и въ особыхъ прокламаціяхъ призывалъ дѣвушекъ отрѣшиться отъ предразсудковъ, предлагая имъ свои услуги. (Годъ тому назадъ я его видѣлъ въ Москвѣ, онъ былъ въ шелковой блузѣ, въ золотыхъ браслетахъ, въ серьгахъ, и съ волосами обсыпанными серебрянной пудрой.)

Надъ футуристами тогда смѣялись. Напрасно. Они сознательно дѣлали свое дѣло — анархіи и разложенія. Они шли въ передовой цѣпи большевизма, были ихъ развѣдчиками и партизанами.

Большевики это поняли, (быть можетъ знали) и сейчасъ же призвали ихъ къ власти. Футуризмъ былъ объявленъ искусствомъ пролетарскимъ.

Въ академіи и школахъ живописи уволили старыхъ профессоровъ и назначили выборы въ новую профессуру, при чемъ каждый могъ выставить себя кандидатомъ, но было объявлено, что, если 50% пройдетъ старыхъ про-

Фессоровъ, то школу закрыть. Такъ, въ московскую школу живописи прошли футуристы. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я хорошо знаю,—они взялись за беспредметное творчество только потому, что не умѣли рисовать предметовъ. Союзу художниковъ-футуристовъ были отпущены многомилліонныя суммы, безконтрольно для скупки и коллекціонированья соответствующихъ произведеній. Отпущены были также суммы на особое учрежденіе, гдѣ футуристы — поэты пропагандировали новое искусство. Это было кафе, выкрашенное внутри въ черную краску, съ красными зигзагами и жуткими изображеніями. Тамъ, на эстрадѣ, поэты—футуристы и учителя жизни, окруженные дѣвицами, блѣдными отъ кокаина, распѣвали хоромъ:

День твой послѣдній приходитъ буржуй”.

“Ѣшь ананасъ, рябчика жуй, —

Комиссаръ по народному образованію — Луначарскій былъ постояннымъ посѣтителемъ этого кафе.

Футуристамъ поручили устройство республиканскихъ праздниковъ. И вотъ, къ торжественному дню, дома сверху донизу завѣшиваются кумачемъ (при чемъ, въ продажѣ никакой матеріи нѣтъ и бѣдность и буржуи ходятъ ободраные), трава и листва деревьевъ обрызгиваются въ голубой цвѣтъ, и повсюду разставляются картоны, съ такими рисунками, что простой народъ крестится со страху. Затѣмъ футуристамъ же предлагаютъ поставить что то около 150 памятниковъ, — денегъ на революцію не жалѣютъ.

Но здѣсь пришлось натолкнуться на неожиданное сопротивленіе. Этой весной петроградскіе рабочіе подали въ совѣтъ заявленіе, что футуристическаго искусства они не понимаютъ, и далѣе терпѣть этого безобразія не хотятъ. Поэтому требуютъ, чтобы на предстоящихъ майскихъ тор-

жествахъ травы и деревьевъ краской не мараютъ, оставить какъ они есть — зеленые, непонятныхъ картинъ не выстав- лять, и снять нѣкоторые, особенно гнусные памятники.

Передъ такой тупостью населенія большевикамъ при- шлось сократить пропаганду новаго искусства. Былъ снятъ около Николаевского вокзала памятникъ Софьи Перовской, изображавшій колону, въ два метра высотой, на ней плиту, положенную вкось, бокомъ, а на плитѣ большую кучу изъ цемента, изображающую, должно быть, волосы Софьи Пе- ровской. Что было дальше — я не знаю.

Въ то же самое время русскіе художники, писатели, философы и поэты, не принявшіе каиновой печати футуро- большевизма (а приняли ее только двое, трое,) принуж- дены существовать, какъ птицы небесныя. Журналы и га- зеты закрыты, изданіе книгъ и типографіи монополизиро- ваны правительствомъ, картинъ покупать частнымъ людямъ нельзя и негдѣ, а правительство скунаетъ только беспред- метное творчество.

Искусство въ Россіи замерло. За послѣдній годъ было выпущено едва, едва пять-шесть книгъ, и не устроено ни одной художественной выставки, не поставлено ни одной новой пьесы, даже большевистскаго содержанія. Что дѣ- лаютъ тѣ, кѣмъ Русская земля была горда, не знаю; про тѣхъ же, про кого знаю случайно — голодаютъ и не рабо- таютъ. Трудно, дѣйствительно, работать, когда къ обѣду подаютъ супъ изъ сушеной рыбы и на второе пюре изъ этой же рыбы, и это безъ соли и безъ хлѣба; когда зимою при двадцати градусахъ мороза дома не отапливаются; или ко- гда занеудачно сказанную остроту заставляютъ замолчать такъ же, какъ этой зимой навѣки замолчалъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ философовъ и писателей — старикъ

В. В. Розановъ, разстрѣлянный въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ.

Такъ вотъ, совѣтское правительство объявляетъ расцвѣтъ русскаго искусства. Есть чѣмъ козырнуть передъ Европой. Въ 1914 году на дѣло искусства тратилось правительствомъ 100 тысячъ рублей, въ 1919 году 100 миліоновъ. Отсюда крайне-лѣвая пресса дѣлаетъ соотвѣтствующій выводъ. Европа поражена. А въ Петербургѣ за этотъ годъ 18 членовъ Академіи Наукъ умерло отъ голода и истощенія.

«Общее Дѣло» 9-го октября 1919 г.

Александръ Яблоновскій.

ГОСПОДА ФРАНЦУЗЫ.

Газета L'Humanite давно потеряла уваженіе своихъ русскихъ читателей.

Это случилось въ тотъ день, когда газета поступила на службу къ русскимъ большевикамъ.

Прежде, во времена Жореса, это былъ любимый органъ русской интеллигенціи, и вліяніе его на русскіе умы было огромно.

Но теперь все, что стоитъ въ сторонѣ отъ большевистскаго погрома отвернулось отъ прежняго кумира, и русская рука протягивается къ листамъ L'Humanite съ чувствомъ гадливости.

И однако же, когда L'Humanite отражаетъ не свои, а чужія мнѣнія и когда на страницы газеты попадаютъ голоса французовъ, къ ко которымъ мы сохранили все прежнее наше уваженіе, — мы поневолѣ должны прислушиваться къ этимъ голосамъ, хотя бы они и раздавались въ такомъ неподлежащемъ мѣстѣ.

Такъ, въ одномъ изъ послѣднихъ нумеромъ L'Humanite напечатанъ протестъ французскихъ писателей противъ блокады Россіи.

Первый подписалъ протестъ Анатоль Франсъ, и конечно, это имя придаетъ и вѣсь, и значеніе документу.

Французскіе писатели протестуютъ противъ “преступ-

ной, безпримѣрной и неимѣющей оправданія блокады”, ибо блокада обрекаетъ “милліоны невинныхъ людей, которые сплошь и рядомъ не могутъ даже понять причины своихъ страданій, на жестокую голодовку”.

Это, конечно, правда, и изъ общей цѣпи нечеловѣческихъ страданій Россіи не исключаются ни голодь, ни холодъ.

Но вотъ что достойно вниманія.

Вѣдь это наши, русскіе люди, голодаютъ въ Совдепіи. Это наши братья, наши жены, отцы, друзья. Война разорвала на два лагерья не только нашу страну, но и наши семьи, и наши сердца.

И однако же, протестъ противъ блокады исходитъ не изъ нашей среды, а отъ чужихъ людей, отъ французовъ.

Наши писатели молчатъ, а французскіе протестуютъ. Отчего же?

Моя мать и моя сестра, конечно, ближе и дороже мнѣ, чѣмъ Анатолю Франсу.

Но я молчу, а вотъ г. Франсъ негодуешь.

Значить ли это, что у меня звѣриное сердце и что моя кровожадность не способна остановиться даже передъ гробомъ матери?

— Нѣтъ, это значить только, что мы, русскіе, яснѣе видимъ безысходность нашего положенія, чѣмъ иностранцы.

Гражданская война поставила насъ у послѣдней черты отчаянія и нашъ русскій протестъ направленъ совсѣмъ въ другую сторону.

Нашъ умъ, наша воля, наше сердце — все кричитъ въ насъ:

— Это надо кончить, кончить, кончить!

Какой угодно цѣной, но кончить!

Вотъ почему молчать русскіе писатели и говорить французы.

Русскіе знаютъ — французы не знаютъ.

Снятіе блокады — это помощь воюющей красной арміи. Привезенный хлѣбъ съѣдятъ китайцы и латыши и останется-ли что-нибудь дѣтямъ — неизвѣстно.

И это для насъ такъ ясно, что въ каждомъ русскомъ сердце закипаетъ даже досада.

— Вамъ жалко насъ, господа? Вы печатаете въ “L’Humanite” трогательные стишки о голодающемъ русскомъ ребенкѣ? Но въ такомъ случаѣ помогите же окончить эту гнусную братоубійственную войну и поставьте точку къ большевнскимъ экспериментамъ надъ русскимъ народомъ.

— Да, мы согласны, что изъ всѣхъ видовъ помощи блокада — самый затяжной и самый жестокий.

Но вѣдь это все, что вы можете, ибо нельзя же считать помощью тѣ сантиментальные стишки, которые печатаетъ “L’Humanite”.

Стишки — это поза.

Протесты — это литература.

Не болѣе.

Сердце же ваше далеко, на тысячи верстъ, отстоять отъ насъ и нашего горя.

И лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить ваше полное, ваше абсолютное невѣжество въ русскихъ дѣлахъ.

Вы не только не знаете насъ, но вы не хотите знать!

Вотъ уже два года, какъ распятая Россія виситъ на крестѣ, а кто изъ вашихъ людей пришелъ на эту русскую Голгофу?

Почему мы не видѣли въ своей средѣ ни одного круп-

наго французскаго писателя, который пришелъ бы вложить персты въ наши раны? Почему даже ваши газеты не шлютъ на русскій пожаръ своихъ репортеровъ?

Вы судите обо всемъ съ чужого голоса, вы знаете насъ только по газетамъ и никто изъ васъ не далъ себѣ труда прѣхать въ Россію и взглянуть на нее не съ высоты птичьего полета, а лицомъ къ лицу.

О, мы не навязываемъ вамъ своихъ мнѣній и нисколько не хотимъ завербовать васъ въ число своихъ сторонниковъ.

Но мы говоримъ только вамъ:

— Не судите о насъ съ чужого голоса. Не повторяйте чужой неправды и не рассказывайте чужихъ небылицъ.

Чтобы судить, надо видѣть. А чтобы видѣть, надо оставить парижскій комфортъ и ѣхать въ грязную, вшивую, запаршивѣвшую Россію съ ея погромами, съ ея сыпнымъ тифомъ и несмолкаемой канонадой пушекъ.

Въ частности, что касается лицъ, подписавшихъ протестъ противъ блокады, то для насъ, русскихъ, конечно, имя Анатоля Франса говоритъ всего громче и всего ближе,

Этого писатели въ Россіи очень цѣнятъ и очень любятъ а его книга “Боги жаждутъ” стала настольной книгой въ Россіи.

На собственномъ кровавомъ опытѣ мы познали правду этой книги. Вмѣстѣ съ авторомъ мы теперь знаемъ, что самыя чистыя, самыя благородныя и возвышенныя намѣренія въ ихъ революціонномъ проломленіи могутъ превратиться въ эти два символа:

— Кровь и грязь, грязь и кровь.

И тѣмъ удивительнѣе для насъ, что Анатолю Франсу какъ-то не почувствовалъ правды нашего революціоннаго быта.

Онъ какъ будто не видитъ, что надъ Россіей совершается гнуснѣйшій экспериментъ и что вся наша гражданская война есть лишь насильственное обращеніе русскаго народа въ коммунистическій исламъ.

Повторяю, съ нашей русской точки зрѣнія все это ясно и такъ просто.

А вотъ французы “не туда, не въ тѣ мѣста попадаютъ”.

И даже Анатоль Франсъ умный, тонкій, чуткій Франсъ.

Онъ настолько не почувствовалъ нашего быта, что невольно хочется сказать ему:

— А знаете ли, *cher maitre*, что было бы съ вами, если бы спаси Богъ, васъ угораздило родиться русскимъ, а не французомъ?

О, мнѣ страшно даже подумать о вашей злой судьбѣ!

Во Франціи вы — Петроній, вы изысканный, благоуханный цвѣтокъ европейской культуры и образецъ ума, таланта и вкуса.

Но въ Совѣтской Россіи вы могли бѣ выбрать только три карьеры:

— Или нищій, или арестантъ, или смертникъ!

Вотъ вы занимаете сейчасъ чудную виллу въ Пасси; вашъ дамъ маленькій музей и вы такъ любите изящную, сѣдую старину и старинные пергаменты.

Но вѣдь, съ точки зрѣнія московскихъ комиссаровъ, все это — преступленіе, и сами вы, съ головы до ногъ, преступникъ! По культурѣ вы — аристократъ, и по уму вы — миллионеръ. Вы “накопили” много знаній, много таланта и цѣлую бездну вкуса.

И оттого вы — “буржуй” и вамъ не можетъ быть пощады.

Если бы вы жили въ Россіи, въ вашей загородной виллѣ уже щелкали бы сѣмьчки латыши и въ вашей спальнѣ уже принимали бы своихъ дамъ красноармейцы.

Но это не все, *cher maitre*. Это далеко не все. Въ Москвѣ у васъ отняли бы не только ваше добро, но и вашу душу, потому что совѣтская власть отмѣнила литературу, упразднила писателей и закрыла всѣ газеты и всѣ журналы.

Но что же такое Анатоль Франсъ безъ письменнаго стола и безъ права на свободный умственный трудъ?

Въ лучшемъ случаѣ вы превратились бы въ стараго парижскаго нищаго, въ худшемъ — васъ бросили бы въ тюрьму въ качествѣ заложника.

— Въ русскую, “совѣтскую” тюрьму, полную вони, полную вшей, полную тифа и зубовнаго скрежета!

“Парусъ” 30-го ноября 1919 года.

Печатается и въ непродолжительномъ времени
поступить въ продажу

«РОДНАЯ ЗЕМЛЯ»

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ
(Изданіе не періодическое).

Содержаніе:

Феодоръ Сологубъ. Родина (стих.)

Алексѣй Ремизовъ. Слово о Россіи.

Евг. Чириковъ. Матросъ Басовъ (очеркъ).

А. И. Купринъ. Послѣдній изъ буржуевъ. (фантазія).

Тэффи. Русь (стих.)

Проф. М. И. Ростовцевъ. Почему русская интеллигенція
противъ большевиковъ.

Діонео. Національность и культура.

Марія Іорданская. Эмиграція и смерть Леонида Андреева.

Цѣна 35 центовъ.

Книгопродавцы и организаціи получаютъ большую скидку.
Съ заказами обращаться по адресу:

FREE RUSSIA,

133 Second Ave., New York, N. Y.

Деньги можно прислать и почтовыми марками Соед. Штат.